

Лучшая историческая книга года по версии Daily Mail

НАИКРАТЧАЙШАЯ ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

От мифов
к современным реалиям

ДЖЕЙМС ХЕНИДЖ

Джеймс Хенидж

**Наикратчайшая история Греции.
От мифов к современным реалиям**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 94(495)
ББК 63.3(4Гре)

Хенидж Д.

Наикратчайшая история Греции. От мифов к современным реалиям / Д. Хенидж — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-22358-5

Философия, искусство, демократия, язык и даже компьютеры – многие наши достижения берут начало в греческой цивилизации. Как известно, греческими по сути были и империя Александра Македонского, и Римская империя. К грекам обращались в поисках вдохновения деятели эпохи Возрождения и философы европейского Просвещения. Следуя четкой хронологии, Джеймс Хенидж кратко и крупными мазками рисует историю Греции. Первая часть книги посвящена периоду от самой древности до 1453 года – это время автор называет «правлением половиной мира». В 1453 году Греция потеряла свою независимость и вошла в состав Османской империи, так что вторая часть охватывает временной отрезок почти в четыре сотни лет, который автор называет «самым долгим сном» нации. 1830-й, год полного пробуждения от этого «сна», стал датой провозглашения и окончательного признания независимости королевства Греция. В третьей части описана история современной Греции до 1949 года (правление Оттона, Георга I, революция и гражданская война в России, Первая и Вторая мировые войны и гражданская война в Греции). В четвертой части освещаются события с 1949 по 2020 год. Итогом стала сжатая и информативная хроника исторического пути греков длиной больше чем три тысячи лет. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(495)
ББК 63.3(4Гре)

ISBN 978-5-389-22358-5

© Хенидж Д., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Предисловие	7
Часть I. Правительница полумира (начало – 1453)	8
Гомеровский период	8
От мифа к истории	10
Илиада и Одиссея	13
Упадок	14
Архаический период (776–500 до н. э.)	15
Рост полисов	15
Спарта	17
Классический период (500–323 до н. э.)	22
Путь к свободе	22
Войны с Персией	23
Перикл	26
Пелопоннесская война	30
Последствия	33
Фивы и окончание господства Спарты	34
Филипп II Македонский	38
Конец демократии	39
Александр Македонский	39
Эллинистический период (323–30 до н. э.)	43
Обитаемый мир	44
Пятьдесят лет войны	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джеймс Хенидж
Наикратчайшая история Греции.
От мифов к современным реалиям

James Heneage

THE SHORTEST HISTORY OF GREECE

© James Heneage, 2021

© Камышникова Т. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022 КоЛибри®

* * *

Предисловие

*По пути в Фивы Эдип встретил Сфинкса, и на загадку дал ответ:
«Человек». Услышав это простое слово, чудовище погибло. Много еще
чудовищ нам нужно истребить. Задумаемся же об ответе Эдипа.
Йоргос Сеферис. Речь по случаю вручения ему Нобелевской премии по
литературе, 1963 г.*

Задолго до того, как началась история, Зевс выпустил пару орлов навстречу друг другу, чтобы они облетели вокруг Земли. Место их встречи стало считаться серединой мира, и там был учрежден оракул, где произносились пророчества о будущих делах людей. Оракул находился в городе Дельфы, чуть западнее Афин, и тысячу лет в его храме звучали вещие слова.

Одна из Дельфийских максим, начертанных на стене храма, гласила: «Познай самого себя». Аристотель трактовал эту фразу так: человек, по своей природе «существо общественное»¹, вне общества становится «либо животным, либо божеством». Этот принцип лег в основу «демократии» – нового понятия о том, как людям следует управлять собой. Идея оказалась хороша, причем настолько, что самая здравая ее часть сумела пережить даже лютую гражданскую войну, которая распахнула дверь для возвращения тирании. Казалось, что демократия не только указывает направление жизни, но и привносит в нее красоту и смысл. Она позволила мужчинам (в те времена исключительно им) не только управлять собой, но еще и создать великое искусство и науку.

Где бы ни оказывались греки, они приносили с собой идею о могуществе человека, а заходили они в своих странствиях очень далеко. Таким образом стала греческой империя Александра Македонского; так же стала греческой и Римская империя, которая потом спасла Европу от завоевания. Ренессансные дворы Северной Италии и философы эпохи европейского Просвещения черпали вдохновение в греческой цивилизации.

Запад обязан своей цивилизацией грекам. Часто мы говорим себе, что рассчитались с ними давно и сполна: в XIX в. поддерживали борьбу Греции за независимость и становление ее как государства; в XX в. были на ее стороне, когда она сопротивлялась нацистам, переживала послевоенный бум и вступала в Европейский союз. Однако и тогда, и теперь эта поддержка редко бывала бескорыстной, а подчас греческий народ платил за нее очень дорого. После Второй мировой Великобритания и Америка приложили руку к развязыванию гражданской войны в Греции, итогом которой стала полувековая полоса политической нестабильности и тяжелейший среди стран с развитой экономикой финансовый кризис. Жесткими условиями, предложенными для «выхода» из него, Европа как бы дала Греции понять, что больше ничего ей не должна.

Это не так. Совсем скоро демократии предстоят небывалые еще в истории испытания. В своей нынешней, не лучшей форме она вряд ли их выдержит. Я написал эту книгу потому, что считаю историю греков – и древнюю, и новую, и новейшую – лучшей помощницей в том, чтобы, образно говоря, изобрести демократию заново.

¹ Цит. по: Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. – Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.

Часть I. Правительница полумира (начало – 1453)

Гомеровский период

Божественные сущности не имели возникновения, поскольку вечно сущее не возникает; они существуют вечно...²

Римский философ Саллюстий. Книга о богах и о мире. IV в.

Идет тысячный год до нашей эры, и вы сидите у стены, сделанной из таких огромных валунов, поднять которые, кажется, под силу только гигантам. В ночном небе гремит гром, полыхают молнии, резкие порывы ветра рассеивают искры от костра, у которого вы греетесь. Вас трясет от холода, в голове копошатся вопросы. Кто выстроил вот эту стену, у которой я сижу? Откуда берется гром? Как я научился разводить такой костер? Кому или, может, чему я обязан красотой и убожеством своего существования? Рядом с вами сидит человек. Это бродячий сказитель, и он знает ответы. Всю ночь он будет давать их, читая стихи.

Он расскажет о Хаосе, который был, когда еще ничего не было, о первом кровосмесительном союзе, с которого начался мир. О том, как Гея (Земля) и ее сын Уран (Небо) произвели на свет двенадцать титанов – шесть мужчин и шесть женщин, – а еще особую породу одноглазых циклопов и сторуких великанов. Вот они-то и выстроили стену из огромных камней.

Работа гигантов: циклопическая кладка в Микенах

© Wikimedia Commons, Berthold Werner

Один из титанов, Кронос, восстал против родного отца, оскотил его, потом женился на собственной сестре, Рее, и от этого союза появилось первое поколение греческих богов. Кронос пожирал собственное потомство, опасаясь, как бы с ним не сотворили то же самое. Вот почему Рея спрятала от супруга новорожденного Зевса и подсунула завернутый в пеленки камень. Зевс, повзрослев, напоил Кроноса отваром, от которого его стошнило, и он изверг из себя всех

² Перевод Ю. А. Шичалина.

проглоченных им детей. Одержав победу в войне титанов, Зевс и вовсе сверг отца и, как велела традиция, взял в жены собственную сестру, Геру.

Разделавшись наконец со всеми титанами, Зевс с Герой и десятью старшими богами поселились на горе Олимп. Там они питались нектаром и амброзией и оттуда вмешивались в дела людей, отчего последним не всегда было хорошо. Так, вовсе не боги, а титан Прометей научил людей пользоваться огнем. Зевс разъярился настолько, что приковал его цепями к скале, и каждый день туда прилетал орел и выклевывал ему печень.

Потом настало время смертных героев. По большей части это были мужчины, и почти у каждого отец был богом. Персей, Эдип, Ясон и Тесей бились с гигантами, сфинксами, горгонами и драконами, чтобы людям жилось спокойно. Из цепей Прометея освободил их самый известный из всех героев, Геракл.

Греки обращались к богам, чтобы те объяснили им окружающий мир, ответили на вопросы: к чему гремит гром и сверкает молния, что значат землетрясения и засухи. Именно богам они благодарили за смену времен года и великолепие ночного неба. Например, они считали, что Млечный Путь, наша Галактика, появился на ночном небосводе, когда Гера отняла от груди огромного младенца Геракла. К богам люди обращались и за ответами на более простые вопросы: о переживаниях, мотивах и противоречиях, делающих нас теми, кто мы есть. Дело не было слишком трудным, поскольку боги были так же несовершенны, как и те, кем они управляли. Они тоже влюблялись, хитрили, пылали желанием, завидовали, мстили. Нравственное поучение было лишь одно, притом короткое и ясное: окажи гостеприимство (*ξενία, ксения*) любому, кто стучится в твою дверь, ведь в облике незнакомца может скрываться Зевс.

Голова Горгоны. Архитектурное украшение с острова Тасос, ок. IV в. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

© *Wikimedia Commons, shako*

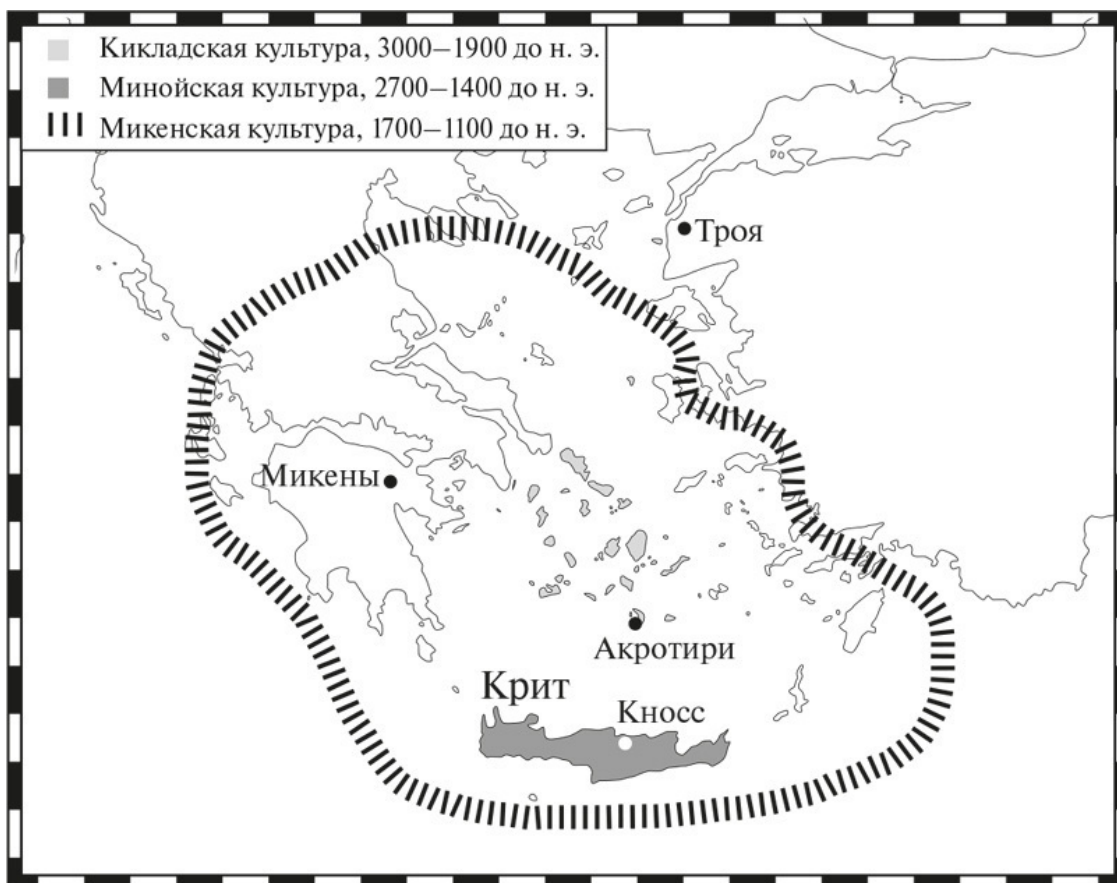
Вальтер Буркерт, видный специалист по древнегреческой мифологии из Германии, писал, что миф представляет собой «традиционное по форме повествование со вторым смыслом, практически соотнесенное с чем-либо, одинаково важным для всех». Боги помогали гре-

кам понять не только окружающий мир, но и самих людей. «Познай самого себя», – ведь так говорил им оракул, а это был первый шаг к самоуправлению.

От мифа к истории

В бронзовом веке (3000–1000 до н. э.) существовали три великие «греческие» цивилизации: кикладская, минойская и микенская. Именно минойской цивилизации Европа обязана мифом о своем основании. Согласно легенде, финикийская принцесса по имени Европа отправилась собирать цветы, а ее заметил любвеобильный Зевс и, приняв образ могучего быка – Тавра, на спине увез в Грецию, где сделал своей женой. Она стала первой царицей Крита и матерью царя Миноса, от имени которого произошли слова «минойский» и «Минотавр». Зевс так ее любил, что поместил на небе созвездие в виде себя в образе быка; это созвездие называют Тельцом.

Во времена минойской цивилизации (2700–1400 до н. э.) остров Крит, видимо, был населен мирными земледельцами и торговцами. Статуэтки тех времен изображают могучих женщин-священниц со змеями в руках; размерами они, как правило, больше своих более смуглых «напарников» – мужчин. Искусные фрески из минойского поселения Акротири на острове Тира (Санторини) изображают морскую цивилизацию, ориентированную на рыболовство, празднества и торговлю.

Обезьяны из Акротири

Как далеко забирались минойцы-торговцы? Точного ответа нет до сих пор. На фресках, обнаруженных в Акротири, изображены обезьяны с s-

образными хвостами, очень похожие на серых лангуров, обитающих в долине Инда. В то время, когда минойцы возили со своего острова товары класса люкс, например пурпурную краску, для получения которой в водах близ Крита специально разводили моллюсков, на берегах Инда процветала богатая Хараппская цивилизация. Мог же какой-нибудь минойский купец отвезти груз таких слизней на восток и вернуться обратно с обезьянами?

Минойские хвостатые обезьяны. Фреска из Акротири, ок. XVII в. до н. э. Музей Тира доисторического времени

© Wikimedia Commons, Zde

Микенская цивилизация была совершенно иной. Она зародилась около 1700 г. до н. э., когда ахейцы, кочевой народ из восточных степей, двинулись на юг и обосновались на полуострове Пелопоннес, соединенном с материковой частью Греции узкой полоской земли – Коринфским перешейком, который они называли Истм. Их общество было строго иерархическим, имело военную элиту – так называемых всадников, строило укрепленные поселения, самыми известными из которых были Микены и Тиринф. Греки, пришедшие позже, дали распространному здесь стилю кладки название «циклопическая»: им казалось, что такие огромные камни могут двигать лишь гиганты. В какой-то момент микенцы обратили взоры к морю и вошли в контакт с минойцами, а те уже познакомили их с выгодами торговли.

Около 1600 г. до н. э. минойскую цивилизацию погубило катастрофическое извержение вулкана на острове Тира, и под его пеплом исчезли обезьяны Акротири. А Микенское государство все так же процветало и в XII в. до н. э. достигло пика развития: микенцы расселились по всему побережью Эгейского моря, вплоть до Малой Азии. «Словно муравьи или лягушки вокруг болота»³, – написал Платон в диалоге «Федон» почти через тысячу лет.

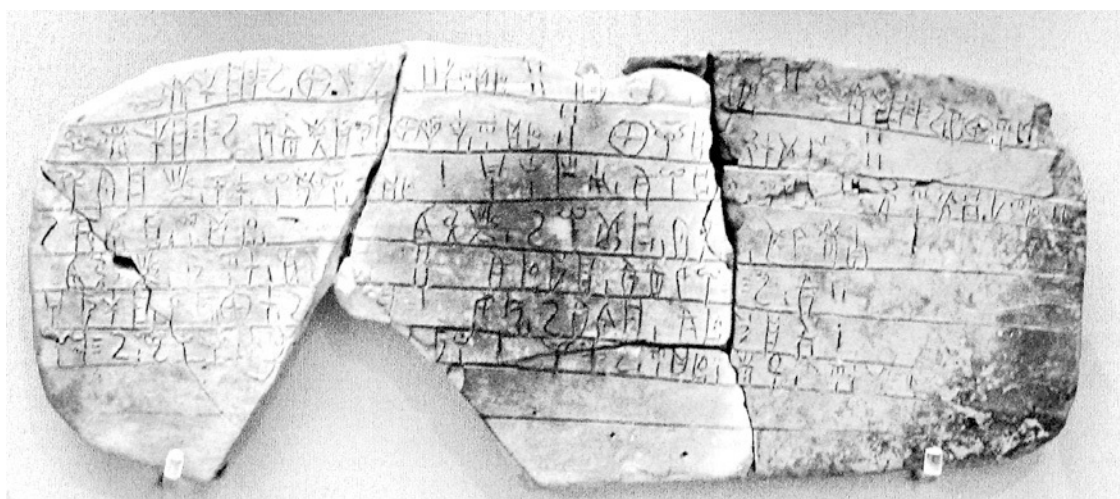
³ Перевод С. П. Маркиша.

Кораблекрушение и письмо

Летом 1982 г. Мехмед Закир, молодой ловец губок из поселка Ялыкавак, близ турецкого Бодрума, по чистой случайности обнаружил место одного из самых известных в истории кораблекрушений. Судно XIV в. до н. э., видимо, затонуло по пути из какого-то левантинского порта в Грецию, везя массу предметов роскоши для Микенского дворца: от зубов африканского гиппопотама до ювелирных изделий из Ханаана. Греческий Пелопоннес находился в самом сердце торговой сети, соединившей две великие цивилизации – Египет и Месопотамию (а может, и Индию, если только хвосты обезьян из Акротири не врут).

Среди прочего, на месте кораблекрушения обнаружилась самшитовая табличка с загадочным линейным письмом Б. Его дешифровал британский архитектор и лингвист-самоучка Майкл Вентрис (правильность была подтверждена в 1952 г.), основываясь на подготовительной работе, проделанной Алисой Кобер, историком из Нью-Йорка. В 1930-х гг. она начала изучать образцы критского письма, которые находили на обожженных табличках во дворцах по всему Пелопоннесу. Овладев хеттским, аккадским, староирландским, тохарскими, шумерским, древнеперсидским, баскским и китайским языками, Кобер собрала целую базу данных в сорока записных книжках, на 180 000 карточек. Во время войны она приспособила для этого пачки из-под сигарет⁴, потому что тогда бумагу распределяли по строгим нормам. После смерти Кобер, используя ее труды и призвав на помощь собственную смекалку, Вентрис в 1952 г. дешифровал письмо и назвал его микенской формой греческого языка.

Значками и идеограммами линейного письма Б чаще всего записывали сведения торгового характера, например информацию о доставке шерсти и зерна покупателям. Они свидетельствуют о бесспорном таланте к организованной торговле, которая, вероятно, велась даже с Индией.

Табличка с линейным письмом, обгоревшая (и благодаря этому сохранившаяся) в пожаре, уничтожившем Пилосский дворец около 1200 г. до н. э.

⁴ Алиса Кобер была заядлой курильщицей и умерла от рака в 1950 г., в возрасте 43 лет. – *Примеч. автора.*

Национальный археологический музей Афин (PY Ub 1318)

© *Wikimedia Commons via Flickr, Sharon Mollerus*

Илиада и Одиссея

Две эпические поэмы Гомера подобны двум узловым станциям на пути греков от мифа к истории. Их действие разворачивается в самом конце бронзового века, когда микенцы вполне могли контактировать с могущественным Хеттским царством, западным форпостом которого, видимо, была Троя (Илион). Город, расположенный на эгейском побережье современной Турции, не очень далеко от нынешней границы с Грецией, конечно же был желанной целью для набегов.

Действие Илиады охватывает последние, решающие недели десятилетней осады Трои, когда греки, казалось, безнадежно проигрывали войну. Все изменилось, когда полубога Ахиллеса – единоличное воплощение того, что мы называем блицкригом – уговорили, наконец, прервать самый длинный из известных в литературе припадков хандры и присоединиться к воюющим. Его гнев был обращен на царя Микен Агамемнона: тот опозорил Ахиллеса тем, что отобрал у него пленницу, Брисеиду, которую он добыл в предыдущем бою.

В конце концов Ахиллес вышел из шатра, но не потому, что Агамемнон принес ему извинения, а потому, что горел жаждой мести за гибель лучшего друга, Патрокла, павшего от руки прославленного троянца, Гектора. Как и в других эпизодах поэмы, здесь в дело вмешались боги, но весьма непредсказуемо, в полном соответствии с прихотливыми перипетиями отношений, бытовавших на горе Олимп. Они похожи на супердержавы, которые ведут между собой прокси-войну, используя столкновения небольших государств.

Ахиллес пролил потоки крови, осуществляя свою месть, и в припадке горя и ярости поглумился над трупом Гектора. Почти сразу же после этого к нему в шатер пришел безутешный отец последнего, царь Трои Приам, и стал умолять Ахиллеса отдать ему тело сына. Совершенно неожиданно в том проснулась жалость, и он выполнил просьбу старика.

Совсем не так в изложении Одиссеи. Куда более человечно и задушевно она рассказывает о полном опасностей возвращении Одиссея из Трои на свой маленький остров Итака. На пути ему встречаются морские чудовища, водовороты, волшебницы и людоеды, еще он сталкивается с гневом бога морей, Посейдона, а в самом конце – еще с одним противоборством: его жены Пенелопы домогаются аж сто восемь пылких ухажеров. Одиссей побеждает (и убивает их всех) в состязании по стрельбе из лука и возвращает себе жену вместе с царством.

В чем значение двух историй? Об этом написаны миллионы слов, но, пожалуй, все можно свести к тому, какой ответ дают они на один простой вопрос: кто решает нашу участь – боги или мы сами?

Первое слово Илиады – «гнев» (μήνιν, *минин*), и почти все ее около 15 700 строк – в той или иной мере гимн гневу. Однако сюжет делает крутой поворот, и гнев уступает место горю и жалости (тот эпизод, когда Ахиллес позволяет Приаму забрать тело сына и похоронить его как подобает). Ведь это значит, что Ахиллес забывает о своем божественном происхождении и берет на себя труд сделаться человеком, то есть на себе испытать, что такое горе и жалость. В начале поэмы он прежде всего сын морской нимфы Фетиды, и в нем больше божественного, чем человеческого. В конце перед нами простой смертный сын своего смертного отца, Пелея, способный понять горе другого отца. Время богов прошло; пришло время человека.

В центре более поздней Одиссеи находятся именно люди. Она повествует о цепи опасных приключений, в которые попадает герой на пути к желанному дому. Поэма отражает то время, когда греки расселялись в пределах известного им мира. Тогда наступила необходимость понять, что это, собственно, такое – быть греком.

В любом случае, создал ли эти две поэмы конкретный автор, некто Гомер, или они стали плодом коллективного народного творчества, в VI в. до н. э. уже существовал более или менее окончательный текст. Их бесчисленное количество раз исполняли на празднествах и важных общественных событиях, например по несколько вечеров подряд на Олимпийских играх. В обеих поэмах рассказывается, как греки учились брать на себя ответственность за свой мир. Обе закладывают основы их политической мысли, которая потом сыграет решающую роль в возникновении системы, выстроенной на соучастии.

Милман Парри (1902–1935)

То, что Гомер творил в устной форме, точно установил эксцентричный ученый – американец Парри Милман. На Балканах Милман собрал великолепные фольклорные материалы, слушая, как традиционную поэзию исполняют под аккомпанемент однострунных гуслей (потом он и сам читал образцы под звездным небом своей долготерпеливой семье). Он открыл секреты устного творчества. Такие устойчивые словосочетания, как ῥοδοδάκτυλος Ἥως («с перстами пурпурными Эос»⁵) или πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς («Ахиллес быстроногий»⁶), служили для сохранения метрики стиха и помогали выстраивать композицию импровизации.

А еще благодаря огромной работе, выполненной Парри, мы теперь знаем, что Илиада несколько старше Одиссеи и восходит к тем временам, когда предки греков шли по степям на запад и кони (а не корабли) были главными средствами их передвижения.

Упадок

Упадок микенской цивилизации датируется примерно 1100 г. до н. э., а три последовавших за ним века в греческой истории часто называют «темными». Причиной столь внезапного обрыва могла быть и гражданская война, и изменение климата (не исключено, что и то и другое). А возможно, к нему привела некая истребительная война, что и отразилось в мифе о Трое. Согласно самой правдоподобной гипотезе, некие таинственные «люди моря», существование которых еще предстоит доказать, примерно в то время опустошили почти все Восточное Средиземноморье и, возможно, предали огню те самые дворцы, в которых потом нашли обгоревшие таблички с линейным письмом Б.

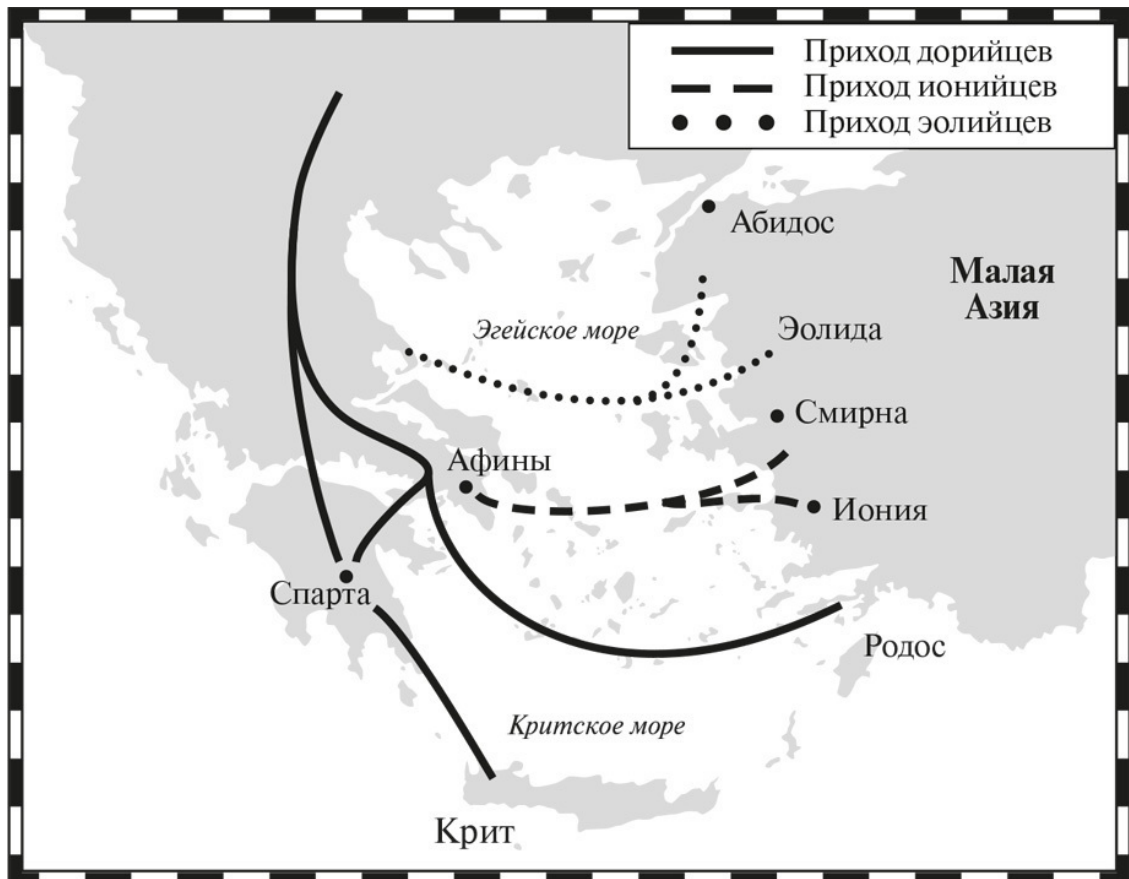
⁵ Перевод В. А. Жуковского.

⁶ Перевод Н. И. Гнедича.

Архаический период (776–500 до н. э.)

Рост полисов

Дорийцы ушли во тьму времен где-то около 1100 г. до н. э. Откуда они пришли, можно только гадать, хотя Геродот и говорит нам, что из Македонии. Они проникли на Пелопоннес, вытеснив оттуда ионийцев, которые предпочли обосноваться в Аттике.

Тем, кем микенцы были по отношению к минойцам, дорийцы стали по отношению к ионийцам. Первые были отъявленными вояками, вторые – оседлым торговым народом. Их разделял лишь узкий перешеек, и, хотя два этих народа так никогда и не смешались, их временный союз сделал возможным чудо греческого классического периода.

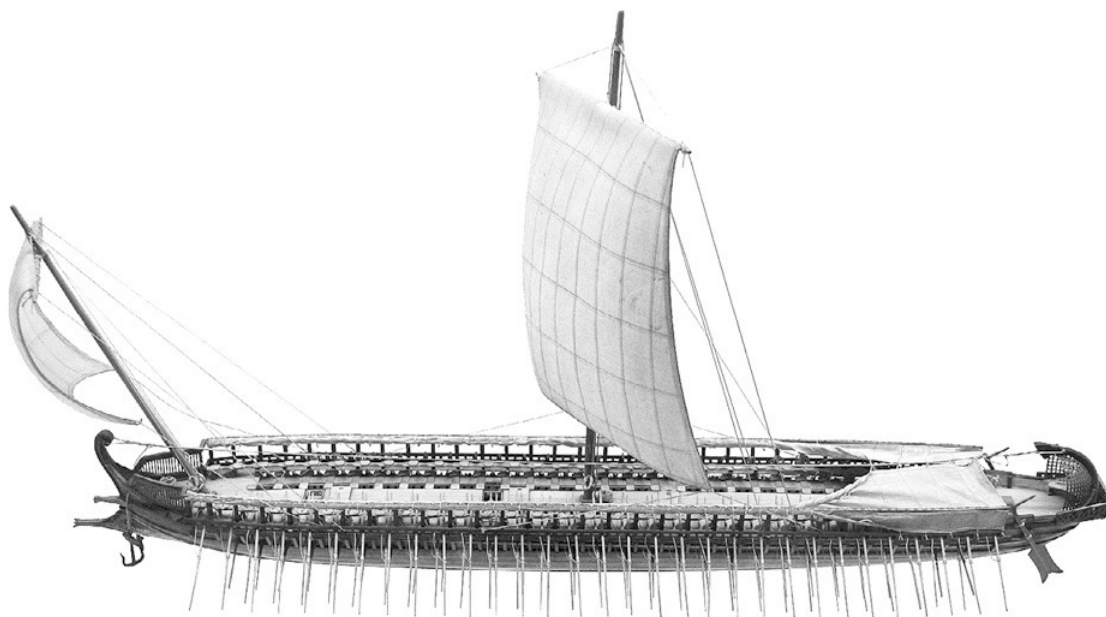
Около 800 г. до н. э. и у тех, и у других начали возникать города (полисы), которые часто строили на руинах микенских поселений. Дорийцы основали Спарту, а ионийцы выбрали для себя гору, названную в честь богини мудрости Афины. По легенде, Посейдон, брат Зевса, тоже хотел стать покровителем выросшего здесь города, поэтому два божества устроили состязание, кто из них предложит афинянам лучшее будущее. Посейдон ударил трезубцем о землю, и из нее забил источник, суля городу все богатства моря. Афина же посадила рядом с источником оливковое дерево, символ мира и изобилия.

Полисы помогли решить проблемы, связанные с ростом населения и ожесточенной борьбой за ресурсы. Со временем укрепленное место, предназначенное для укрытия, стало своего рода постоянно действующим складским центром. Поначалу его контролировал человек,

имевший право распределения ресурсов, но по мере того, как города становились государствами, в их населении стали преобладать граждане-воины, так называемые гоплиты, готовые защищать свои города и дома в обмен на то, что они будут знать, как все это управляется. Началась политическая эволюция от монархии к (некоторой степени) демократии.

Состязание между полисами подхлестнуло развитие военного дела. Спартанцы довели до совершенства фалангу – смертоносный боевой порядок, состоявший из нескольких рядов воинов, вооруженных длинными копьями и большими щитами; открытые части тела защищали доспехи. Противники сходились на специально выбранных ровных участках, а сам бой походил на состязание, кто кого перетолкает. Все заканчивалось, когда один из участников «ломался» и обращался в бегство. Война велась по правилам гомеровских времен: сражаться начинали, только когда обе стороны были полностью готовы и никаких неожиданностей не предвиделось. Побеждали самые дисциплинированные, и обычно это были спартанцы.

Примерно тогда у жителей Коринфа появилась триера, принципиальное устройство которой позаимствовали у финикийцев. Это был боевой корабль, способный развивать скорость до 11 узлов, а также меньше чем за минуту разворачиваться на сто восемьдесят градусов. Триера, имевшая по три ряда весел по каждому борту, была, как сказал историк Пол Картледж, «морской управляемой ракетой» своего времени и на несколько веков определила приемы ведения войны в Средиземноморье.

Триера, супероружие города-государства. Немецкий музей в Мюнхене
© *Wikimedia Commons, MatthiasKabel*

Полнее всего гений греков выразился в строительстве храма в Дельфах и изобретении Олимпийских игр, которые объединяли города-государства и помогали им состязаться мирно. Первый раз они состоялись в пелопоннесской Олимпии, в начале VIII в. до н. э., а потом их примеру последовали Немея, Истмия и Дельфы, так что состязаться стали каждый год. Участие в играх мог принять любой грек из любого города, но только если он был мужского пола (даже наставников заставляли раздеваться догола, чтобы точно знать, что под одеждой не скрываются гордые матери с амбициями). Игры стали ежегодной альтернативой войне. В них соединялись соревновательность и дипломатия, а в дни проведения строго соблюдалось перемирие, чтобы атлеты могли спокойно передвигаться по стране, а политики – вести переговоры. Борцы схо-

дились в схватках, дротики летели в цель, а тем временем заключались новые союзы, планировалось основание новых колоний, разряжалось напряжение.

Вероятно, на играх три вечера подряд читали всю Илиаду, и это был своеобразный саундтрек праздника, который начинался после того, как сто забитых быков приносили на алтарь Зевсу. Совершенно ясный призыв к содружеству всех греков и описание неисчислимых бедствий, которыми грозил раскол, мощно подкрепляли саму идею игр.

Честное состязание: раньше и теперь

Пелопоннес (буквально «остров Пелопа») был назван по имени царя области Лидия, которая находится в западной части современной Турции. Согласно легенде, он завернул в те края, чтобы завладеть рукой Гипподамии, дочери царя Эномая, правителя земли вокруг будущей Олимпии. Царь вызывал всех женихов дочери на состязание колесниц, в которых неизменно выходил победителем. Пелоп взял себе лошадей у Посейдона и подкупил царского возничего, чтобы тот заменил ступицы колес на восковые. Эномай погиб, а Пелоп получил и его дочь, и его царство. Чтобы как следует отметить это событие, он провел в Олимпии первые игры.

Несмотря на историю происхождения, в которой не обошлось без нечестного поступка, игры предусматривали хорошее средство наказания тех, кто пытался схитрить: их штрафовали, а на полученные деньги возводили небольшие статуи Зевса. На каждой из них писалось имя обманщика, и его позор навечно оставался в памяти людей.

Спарта

Фильм Зака Снайдера с Джерардом Батлером в главной роли очень убедительно изображает спартанцев этакой военной машиной, но грозную репутацию они заработали не только делами за пределами своего города, но и укладом жизни внутри его. Завоевав и поработив коренных жителей Пелопоннеса, ахейцев, дорийцы поняли, что значительно уступают им в численности. Держать этот побежденный народ в подчинении нельзя было без хоть какого-либо общественного устройства.

Города-государства полуострова Пелопоннес

Согласно их мифу об основании, спартанцы были обязаны своими законами и политическим устройством человеку по имени Ликург (ок. IX в. до н. э.). Система управления в Спарте состояла из двух царей, совета старейшин (так называемой герусии, средний возраст членов которой превышал 60 лет) и закаленной военизированной молодежи. Общество состояло из трех классов. На самом верху были спартиаты (гомеи), то есть граждане Спарты мужского пола, которые с семи до двадцати лет проходили через суровую систему воспитания (агогэ) в военных отрядах, а потом допускались к сисситии, регулярным совместным трапезам. Это был своеобразный суперклуб с ежемесячной оплатой, пятнадцать членов которого на своих встречах питались только черной кровяной похлебкой из свинины⁷. Спартиаты могли жениться в двадцать лет, но еще десять должны были жить отдельно от жен. Военнообязанными они считались до шестидесяти лет.

Следующий класс составляли периэки, лично свободные, но не обладавшие политическими правами люди. Часто это были бывшие спартиаты⁸, не выдержавшие суровости агогэ; их использовали в качестве военного резерва.

В самом низу располагались илоты, зависимое население, в основном из ахейцев, покоренных когда-то в Мессении и Лаконике. Илоты кормили спартиатов и становились жертвами ежегодных облав, на которых молодежь приучалась к войне. Склонность спартанцев поработать другие греческие племена резко отличала их от жителей других городов-государств.

Спартанцы были не сильны в искусстве слова, поэтому почти все, что мы о них знаем, мы знаем от их врагов, например от Аристотеля, считавшего их чуть ли не гангстерами. Правда ли они кидали хилых новорожденных младенцев с обрыва на горном хребте Тайгет? Пока что археологи находили там останки лишь взрослых людей. Правда ли илотов презирали и ненавидели? Аристотель утверждал, что каждый год спартанцы устраивали на них ритуальную облаву, однако у нас есть сведения, что обращались они с илотами все же лучше, чем, скажем, афиняне со своими рабами. Илоты могли оставлять себе половину того, что производили, могли жениться, могли выкупить себя на свободу. Правда ли спартанки считались лишь производительницами все новых и новых поколений спартанцев? Может быть, но жилось им куда лучше, чем большинству гречанок. Они знали грамоту, могли иметь собственность и воздерживались от деторождения, пока их тела не будут для этого готовы. В среднем они жили на десять лет дольше афинянок.

Спартанское остроумие

Выставленный в Археологическом музее Спарты бюст великолепного спартанского воина увенчан не менее великолепной головой с улыбкой до ушей. Разве в таком городе, как Спарта, находилось место юмору? Да, там не устраивали праздник, посвященный греческому богу вина, Дионису, но был построен, например, храм Гелоса – бога смеха.

⁷ Сибариты острили, что спартанцы потому и не боялись смерти, что она была предпочтительнее, чем перспектива питаться так всю свою жизнь. – *Примеч. автора.*

⁸ В Спарте периэки, как правило, были потомками коренного населения, покоренного дорийцами.

Улыбающийся спартанец. Мраморный бюст предположительно царя Леонида, 490–80 гг. до н. э.

Археологический музей Спарты © Wikimedia Commons, Ticinese

Вообще-то спартанцы славились остроумием. Сократ, если верить Платону, однажды заметил: «Если бы кто захотел сблизиться с самым никчемным из лаконцев, то на первый взгляд нашел бы его довольно слабым в речах, но вдруг, в любом месте речи, метнет он, словно могучий стрелок, какое-нибудь точное изречение, краткое и сжатое, и собеседник кажется

перед ним малым ребенком»⁹. А когда Филипп II Македонский завоевал Южную Грецию, он отправил спартамцам послание с грозным вопросом, кем ему прийти к ним – другом или врагом. Спартамцы ответили: «Никем». Последовало еще более дерзкое послание: если, мол, вступлю в Лаконию, то сотру Спарту с лица земли. Ответ был также односложен: «Если».

Лаконика, область на юго-востоке Спарты, оставила о себе память в прилагательном «лаконичный», то есть «простой», «немногословный». «Аттическое остроумие», впрочем, означает остроумие тонкое, деликатное. Пожалуй, ничто не высвечивает различия лучше, чем юмор.

И все же в спартанской системе было то, что мы сейчас называем дефектом конструкции. Суровая военная подготовка, строгие ограничения в семейной жизни, огромные боевые потери неуклонно сокращали количество настоящих спартиатов. Во времена Аристотеля, то есть в середине IV в. до н. э., от 9000 граждан осталась всего тысяча, но жесткая общественно-политическая структура Спарты исключала какое-либо смешение с низшим классом илотов.

⁹ Платон. Протагор. Перевод В. С. Соловьева.

Классический период (500–323 до н. э.)

Два века необычайных достижений почти во всех областях человеческой деятельности принято называть греческим чудом. То было время становления демократии, которая была в отличие от нашей, представительной, гораздо более прямой, сначала в Афинах, а потом и в других греческих городах-государствах. В те примерно двести лет демократия успела появиться на свет, достичь расцвета, прийти в упадок и возродиться – правда, уже в других исторических условиях, когда вернулась тирания. То, чему греки научились тогда, крайне интересно и поныне.

Путь к свободе

К VII в. до н. э. греческий мир состоял более чем из тысячи городов-государств, управлявшихся элитами, настроенными против какой бы то ни было демократии. В Афинах правящие классы завладели такой большой долей городских богатств, что простые люди начали бунтовать. В 594 г. до н. э. новый правитель, Солон, понял, что пришла пора что-то менять.

По мнению Солона, корнем проблемы был избыток богатства. Еще одна Дельфийская максима на стене храма гласила: «Ничего сверх меры», и Солон воспринял ее со всей серьезностью. Он отменил долговое рабство и сделал так, что участие в управлении стало зависеть от доходов, а не от происхождения, а значит, активный средний класс теперь мог потеснить аристократию. Он разрешил всем гражданам заседать в экклесии – народном собрании, на котором принимали городские законы. Участвовать в экклесии могли даже феты (самые бедные среди свободных людей), хотя они и не имели права говорить. Превыше всего Солон ставил *παιδεία* (*пайдейя*) – образование, воспитание, видя в этом средство распространения *ἀρετή* (*арете*) – добродетели, доблести и внушения афинянам отвращения к тирании. Как он писал в своих стихах:

А от великих людей гибнет город, и к единодержцу
В плен попадает народ, если в нем разума нет¹⁰.

И все же путь к демократии не был гладким. После Солона к власти несколько раз приходил тиран Писистрат (561–527 до н. э.). Политические реформы мало-помалу сошли на нет, но Писистрат продолжал добрые дела Солона в других областях. Он сохранил почти все его законы и решил острую для Афин проблему водоснабжения, выстроив многочисленные колодцы и акведуки. Перераспределение воды обрадовало и землевладельцев, разводивших оливковые деревья. Писистрат хорошо понимал силу популистских жестов. После своей первой ссылки он облачил какую-то высокую женщину в грудной доспех и шлем и в компании этой «Афины» триумфатором въехал в город на золотой колеснице.

В 507 г. до н. э. грянула настоящая революция: политик-реформатор Клисфен ввел новую административную единицу под названием *дема* («область», или «округ»). Она заложила основы понимания такого гражданства, когда классы смешивались с целью максимального – и справедливого – участия в основных делах полисов: собраниях, религиозных празднествах, судах и представительстве в «совете пятисот». На службу граждане избирались по жребию.

¹⁰ Перевод Г. Церетели.

Должности, требующие специальных знаний, замещались путем выборов

В Афинах экклесии стали проводиться на холме Пникс, и теперь уже все собравшиеся граждане имели право говорить. Места там хватало для без малого 6000 человек (примерно пятой части граждан города), а голосовали просто – поднятием правой руки. Сначала собрания проводились ежемесячно (потом стали собираться чаще) и останавливались, лишь когда начинался дождь – знак неблагоприятности богов. Изобретенный Клисфеном *буле* (совет) был «мозговым центром», где вырабатывались и принимались законы жизни города.

Однако, как было известно еще Солону, демократия работает только тогда, когда граждане знают, зачем поднимают руки. По этой причине система афинского воспитания и обучала информированному участию, и поощряла его. *Пайдейя* издавна учила детей аристократов быть образцовыми гражданами полиса. Теперь ее распространили и на средние классы. Целью была выработка *арете* в каждой области. Ее программа предполагала глубокое изучение свободных искусств и точных наук, физическое и нравственное воспитание через знакомство с музыкой, поэзией и философией. Самое же главное место отводилось риторике – искусству, насущно необходимому в условиях прямой демократии.

У Спарты была своя система, нацеленная на формирование безграничной преданности полису, но уделявшая основное внимание военной подготовке. Никаких творческих задатков она не развивала: так и не появилось ни спартанского храма, равного Парфенону, ни спартанского драматурга, равного Эсхилу.

Войны с Персией

Именно эти два очень разных греческих полиса в начале V в. до н. э. столкнулись с нашествием персов. Дарий, «царь царей», как его называли в Персии, хотел наказать Афины за то, что они подбивали греческие города Малой Азии восстать против его правления. В 490 г. до н. э. армия Дария переправилась через Эгейское море и высадилась восточнее Афин, у селения Маратон. Там, на самом берегу, ее разгромили афинские гоплиты, и персы отправились восвояси.

Фидиппид

История молодого гемеродрома («бегущего целый день», скорохода), который пробежал 150 миль (ок. 240 км) до Спарты – с просьбой прислать войско на подмогу – и обратно, затем принял участие в битве, а потом пробежал еще 25 миль (ок. 40 км) от Марафона до Афин, чтобы сообщить о победе, может быть, и относится к области преданий, но до сих пор захватывает. Фидиппид, говорят, сделал это и пал за смертью – и неудивительно, ведь за три дня он пробежал больше 300 миль (свыше 480 км).

Подвиг Фидиппида вдохновлял организаторов первого современного марафонского забега, состоявшегося в 1896 г. на возрожденных Олимпийских играх, а теперь в них участвуют миллионы людей по всему миру. Благодаря ему греческие бегуны XX в. триумфально побеждали в важнейшие моменты истории своей страны. Рассказ о них еще впереди.

Через десять лет, уже при сыне Дария, Ксерксе, персы пришли снова, но уже с гораздо более многочисленной армией. При Дарии спартанцы ограничились лишь казнью нескольких персидских посланников, а их войска пришли только к самому окончанию Марафонской битвы. В этот раз все было по-другому. Царь Леонид и триста спартанских гоплитов заняли оборону у Фермопильского ущелья, где вместе с другими греками три дня отражали нападение врага, пока местный житель по имени Эфиальт не показал персам обходной путь в тыл греческого войска. Ксеркс продвинулся вперед, чтобы взять Афины и расположиться в Акрополе, и готовился к сражению с греческой армией, собравшейся у Коринфа. Однако сначала ему нужно было добиться господства на море. Применив хитроумную тактику, афинский полководец Фемистокл загнал огромный персидский флот в неширокий пролив у острова Саламин, где его уничтожил греческий флот, гораздо меньший по численности. Через год персидское войско было уничтожено в битве при Платеях, чей исход ознаменовал победу греков над вторгнувшейся армией неприятеля.

Почти из семисот полисов материковой Греции только тридцать один объединились в союз против персов. Так, Фивы, которые вместе со Спартой сражались у Фермопил, потом переметнулись на другую сторону, да и вообще за персов греков воевало больше, чем против них. Это означало, что репутация Афин и Спарты после войны значительно упрочилась, хотя их государственное устройство так и осталось очень разным.

Для афинян победа над Персией означала еще и полное торжество системы, объединявшей представителей всех классов в один полис. До демократии народ защищали представители аристократии – всадники. Потом это делали зажиточные и средние по достатку свободные граждане – гоплиты, победители битвы при Марафоне. У острова Саламин на веслах триер сидели беднейшие из граждан, внесшие свой вклад в исход сражения.

Спартанская же система основывалась на железной дисциплине, которая помогла выстоять при Фермопилах. Строилась она на порабощении других греков. Афиняне, может, и отдавали должное ее действенности – а при необходимости охотно брали спартанцев в союзники, – но для них Спарта была в равной мере и угрозой, и примером для подражания.

Как раз афиняне выдвинули из своих рядов, пожалуй, крупнейшего военачальника тех войн. Фемистокл стал тайным вдохновителем великолепной уловки, которая привела к разгрому персов у Саламина. Потом, в десятилетие между двумя вторжениями, он сумел убедить сограждан не делить между собой, как было принято, доходы от серебряных рудников, а разумно направить эти средства на строительство новых кораблей.

Оракулы

Фемистокл мастерски толковал предсказания Дельфийского оракула в свою пользу. Когда афиняне спросили, как им обороняться от персов, прорицательница ответила: «Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенею несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам»¹¹. С тем же успехом она могла бы дать совет забаррикадировать Акрополь, но Фемистокл настоял, что речь шла о морских судах. Афиняне согласились с этой версией и победили при Саламине. Ответы Пифии славились своей неоднозначностью. Часто значение всей фразы менялось в зависимости от выбора места постановки запятых.

В Дельфах прорицательница выкрикивала свои пророчества в седьмой день каждого месяца: семерка считалась священным числом Аполлона. Говорили, что в транс ее приводили пары, исшедшие из расщелины в земле. Цари весьма ее почитали, а туманные ответы порой меняли судьбы целых империй.

В других священных местах пытались отгадать, о чем шумит ветер в деревьях; так, например, было в храмах Зевса и Дионы, в эпирской Додоне. В музее города Янина хранятся свинцовые таблички, исписанные вопросами, которые задавали оракулу. Есть среди них и такой: «Лизаний спрашивает Зевса Найоса и Диону, от него ли тот ребенок, которого сейчас носит Аннила».

Лидийский царь Крѐз, говорят, проверял истинность предсказаний тем, что его люди задавали оракулам вопрос, что он делал в это самое время. Только в Дельфах ответ оказался верным: «Ел баранину и черепаховую похлебку».

Если оракулы отвечали слишком уж непонятно, греки шли в ближайший *Νεκρομαντεῖον* (Некромантион, оракул мертвых). Там они, отведав свинины, ячменного хлеба и некоего вещества, опускались глубоко под землю по каменным ступеням и длинным коридорам, чтобы задать умершим свои вопросы и выслушать ответы. Жрецы часто вещали откуда-то сверху: в воздухе их поддерживали скрытые механизмы.

После поражения персов городам-государствам оставалось искать защиты либо у Афин, либо у Спарты. По принципу дорийского или ионийского племенного родства начали формироваться два противоборствующих блока. Все население Пелопоннеса, кроме аргосцев, тяготело к Спарте. Жители земель севернее перешейка, кроме фиванцев и почти всех островитян, тяготели к Афинам.

Эсхил: воин и драматург

Эсхил – ярчайший представитель золотого века, когда, по словам Геродота, возросло могущество Афин: «Ясно, что равноправие для народа не только в одном отношении, но и вообще – драгоценное достояние. Ведь, пока афиняне были под властью тиранов, они не могли одолеть на войне ни одного из своих соседей. А теперь, освободившись от тирании, они заняли безусловно первенствующее положение»¹².

¹¹ Геродот. История. VII: 141. Перевод Г. А. Стратановского.

¹² Геродот. История. V: 78. Перевод Г. А. Стратановского.

Когда к власти пришел Клисфен, Эсхилу было 15 лет, и он был свидетелем революционного введения дем, а вслед за ними и афинской демократии. Он пережил и ее апофеоз, сражаясь гоплитом сначала при Марафоне (там погиб его брат), потом при Саламине и Платеях. Его личный опыт впоследствии пригодился как нельзя лучше, и его немногочисленные дошедшие до нас пьесы звучат подлинными гимнами торжества свободы над деспотизмом, порядка над хаосом.

Эсхил называл свои сочинения «крохами, падающими от богатой трапезы Гомера»¹³, а самое знаменитое его произведение, трилогия «Орестея», рассказывает о воспетом Гомером движении от божественного хаоса к человеческому порядку. Все начинается с возвращения Агамемнона из Трои и его гибели от руки собственной жены, Клитемнестры. Это была ее месть за то, что много лет назад он принес их дочь, Ифигению, в жертву богам, и получил попутный ветер для морского похода на Трою. Во второй пьесе их сын, Орест, убивает мать, мстя за отца. В третьей пьесе Ореста преследуют богини мести и ненависти (фурии), карая за убийство матери. В конце концов Орест попадает в Афины, где богиня – покровительница города, созывает суд из двенадцати граждан. Они выносят ему оправдательный приговор и переименовывают фурий в эвменид («благодарных»), всегда стоящих за закон и порядок, против кровной мести и хаоса.

Характерно, что в надписи на могильном камне Эскила в Геле ни слова не сказано о его пьесах:

*Памятник сей покрывает Эскила Афинского тело,
Гела его приняла, дочь плодоносной земли.
Помнит отвагу его марафонская роща и племя
Длинноволосых мидян, в битве узнавших его*¹⁴.

Это значит, что сам Эсхил считал: защита полиса простым гоплитом была куда важнее его гениального драматургического дара.

У Эскила Ореста судят на Ареопаге – большом холме рядом с Акрополем, в самом центре Афин. Именно там выносили приговоры по самым серьезным делам, таким как убийство или намеренное уничтожение оливковых деревьев, которые издавна было принято посвящать богине Афине. А через несколько веков именно там апостол Павел рассказал изумленным афинянам о христианстве.

Перикл

На волне победы над персами в Афинах быстро и высоко вознесся одаренный оратор по имени Перикл. Годом к тридцати пяти он уже стал влиятельным политиком и на холме Пникс убеждал сограждан приспособить демократию для того, чтобы сделать город богаче и многолюднее.

Реформы, которые Перикл провел в 461 г. до н. э. дали, как никогда, много власти простым афинянам. Так, за участие в работе судов (а позднее и в экклесиях) они должны были получать плату из городской казны, а это означало, что теперь делать это мог любой желаю-

¹³ Цит. по: Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Издание Общества классической филологии и педагогики. СПб., 1885.

¹⁴ Цит. по: Гиленсон Б. А. Античная литература. Древняя Греция. М.: Наука, 2001. Кн. 1.

щий. Залог величия Афин Перикл видел в активной позиции представителей каждого слоя их одаренных жителей, воспитанных, чтобы работать на общую пользу. Людей, не участвовавших в общественной жизни, называли идиотами¹⁵.

Перикл произносит надгробную речь на холме Пникс в честь погибших афинян в 431 г. до н. э. Картина Филиппа фон Фольтца, 1852 г. © *Wikimedia Commons/Rijksmuseum*

Возведение Парфенона

В наши дни, помимо всех прочих заслуг, Перикла чтут еще и за перестройку Акрополя. Надзирать за работами он поставил скульптора и архитектора Фидия (480–430 до н. э.), пожалуй, величайшего из творцов классического периода. Статуя Зевса в Олимпии, созданная им и признанная одним из Семи чудес света, была столь совершенна, что сам бог выразил свое восхищение ударом грома.

Работы в Акрополе начались в 446 г. до н. э.; тогда Фидий сделал из золота и слоновой кости огромную статую Афины, которую предполагалось поставить в Парфеноне. Вслед за ней были возведены Пропилеи – входная группа – и небольшой храм Афины-Ники (Победительницы). К 421 г. до н. э. все было закончено.

Перикла жестоко критиковали за размах строительства в Парфеноне. И, вероятно, гений Фидия вызвал острый приступ чувства, которое греки называли φθόνος (зависть). В 432 г. до н. э. его, не без политической подоплеки, обвинили в растрате, и по приговору экклесии заключили в

¹⁵ В то время никакой эмоциональной окраски это слово не имело. Это было лишь обозначение людей, не принимавших участия в собрании граждан полиса и прочих формах государственного управления, то есть занятых лишь своей частной жизнью.

тюрьму. Один из знаменитейших в истории скульпторов, по-видимому, там и окончил свои дни.

Многие афиняне, а особенно самые богатые из них, считали, что реформы могут лишь опасно усилить незнатных граждан. Страсти разыгрались не на шутку. Соратник Перикла, Эфиальт, пал от руки убийцы вскоре после принятия законов.

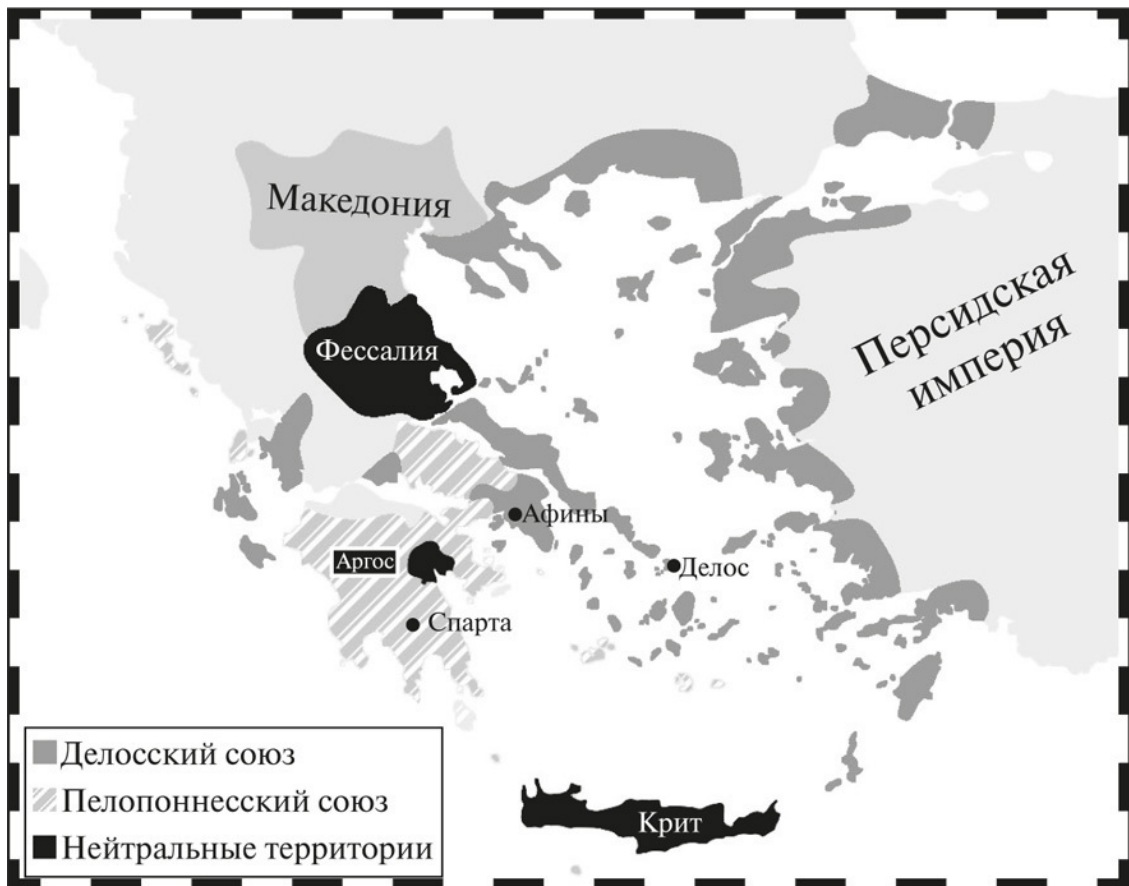
Сколько же в городе насчитывалось граждан? В конце Греко-персидских войн – 30 000, а вместе с женщинами и рабами численность населения достигала 250 000 человек. Однако с тех пор Афины сильно выросли. Чтобы сдержать неуправляемый рост – и, наверное, успокоить богатейших граждан – в 451 г. до н. э. Перикл принял закон, по которому человек мог считаться гражданином Афин, только если оба его родителя были афинянами, а не хотя бы один из них, как раньше.

Домашний успех демократии побудил Перикла и членов собрания объединить своих союзников в содружество равных. В 478 г. до н. э. Афины создали Делосский, или Первый Афинский морской, союз городов-государств, по большей части расположенных по побережью Эгейского моря и Малой Азии. Основной целью было продолжение борьбы против Персии, для чего члены союза могли предоставлять либо корабли, либо деньги. Большинство выбирало деньги.

Делос и Делосский союз

Союзная казна хранилась на острове Делос, родине Аполлона и Артемиды, столь священном, что даже персы не осмеливались там появляться.

Его почитала вся Эллада, и с этой точки зрения место было очень удобное. Никого особо не волновало, что эллинотами (хранителями казны) были сплошь афиняне, хотя союз принес много хорошего всем: вытеснил персов с греческих территорий, очистил Эгейское море от пиратов, поощрял торговлю, ввел общую для всех денежную единицу (серебряную тетрадрахму с изображением мудрой совы – символа Афины). Большинство городов-государств союза приняли тот или иной вариант афинской демократии. Однако, когда Персия стала грозить очень недвусмысленно, они начали задавать вопросы, почему это вдруг стали расти суммы взносов и почему так много денег уходило на разные афинские дела, на строительство Парфенона, например.

Афинская демократия начала приобретать имперские черты. Наксос и Тасос попробовали было выйти из союза, но Афины ответили тем, что разрушили их стены. В 454 г. до н. э. Перикл перенес казну в Афины, не только обидев этим всемогущего бога, но и, можно сказать, наплевав на все принципы демократической законности.

Негладкими были и отношения со Спартой, которая так и осталась в стороне. В 465 г. до н. э. она попросила Афины помочь в подавлении очередного бунта илотов. Афины послали 4000 гоплитов к лагерю повстанцев у горы Итома близ Мессены, но они повели себя так, что спартанцы заподозрили, что прибывшие вот-вот переметнутся на другую сторону и поддержат рабов. Гоплитов отправили домой.

Афинское чувство *филоτιμο* получило ощутимый, и притом публичный, удар, так что исход теперь мог быть только один.

Понятия чести и славы

Понятие *φιλότιμο* (буквально «любовь к чести») до сих пор в большом ходу в Греции. Оно охватывает собой целый спектр ценностей, почитаемых с древности.

В культуре, где на загробную жизнь не обращали большого внимания, слово *κλέος* (*клеос*) обозначало вечную славу, как правило, заслуженную на поле битвы. Такую славу, как считали, поэты будут потом воспевать в веках.

Словом *τιμή* (*timi*) обозначали почести, воздававшиеся еще при жизни, тоже завоеванные на поле брани и тоже, в подавляющем большинстве, мужчинами.

Главнейшей из добродетелей считалась ἀρετή (*арете*), а ее достижение – целью древнегреческого воспитания. Под этим понимали образованность, сноровку, мужество и опять же успехи на военном поприще.

Назидательной противоположностью всем этим разновидностям чести считался αἰδώς (*эйдос*) – страшный позор, которому подвергались совершившие подлость или серьезную ошибку. Успех много значил в Афинах.

Писатель и историк Дж. Э. Лендон в «Песни гнева» (*Song of Wrath*), превосходно написанной истории Пелопоннесской войны, утверждает, что основной ее движущей силой было как раз φιλότιμο, а не необходимость в расширении территории. Унижение противника, а не завоевания – вот что было главным для обеих сторон.

На долю женщин оставался лишь δόλος, то есть обман, хитрость и вероломство. Воплощением *долоса* была Пандора, которая красотой, ложью и льстивыми словами умела соблазнять мужчин и опустошать их кошельки. Ее имя означает «всем одаренная», потому что при появлении на свет она получила подарок от каждого олимпийского бога.

Пелопоннесская война

Подобно двум мировым войнам XX века, кровопролитная война Афин и Спарты, продолжавшаяся почти тридцать лет, поменяла все. Разожгла ее смесь гордыни, зависти и оскорбленного достоинства, что довольно обычно для войн, но самой главной причиной стало столкновение двух очень разных вариантов управления. В итоге спартанская олигархия возторжествовала над афинской демократией (правда, ненадолго). Тогда уже оба противника сделались жалкими карикатурами того, чем некогда были. Спарта перечеркнула военные победы при Фермопилах и Платеях, призвав на помощь персов, а афинская демократия скатилась в популизм.

Для Афин война началась хорошо. Перикл убедил сограждан отринуть все разногласия и укрыться за городскими стенами, чтобы не сталкиваться со спартанскими гоплитами. Господство афинян на море обеспечило им бесперебойное снабжение продовольствием, а их триеры всерьез грозили Пелопоннесскому союзу во главе со Спартой.

Историк Фукидид воспроизвел знаменитую речь Перикла на похоронах афинских воинов, павших в 431 г. до н. э., после года военных действий. Она дает некоторое представление о самоуверенности афинян в то время.

Обычаи у нас в государстве не заемные: мы не подражаем другим, а сами подаем пример... Мы стараемся сами обдумать и обсудить наши действия, чтоб не браться за нужное дело, не уяснив его заранее в речах; и сознательность делает нас сильными, тогда как других, наоборот, бездумье делает отважными, а раздумье нерешительными... Государство наше по праву может зваться школой Эллады, ибо только в нем каждый может найти себе дело по душе и по плечу и тем самым достичь независимости и благополучия¹⁶...

Отрывок из речи Перикла

Речь была обращена к горевавшим афинянкам (в связи с важностью происходившего им разрешили присутствовать), потерявшим на войне отцов, сыновей и братьев. Перикл сказал,

¹⁶ Этот и следующий отрывок цит. по: *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

что их боль оправдана славой Афин, «школы Эллады». Впрочем, эти потери были мелочью по сравнению с тем, что ждало впереди.

Через год плотно заселенный город накрыла эпидемия, названная греками чумой, хотя, возможно, это был и тиф. От болезни погибла треть жителей, в том числе и сам Перикл. Фукидид тоже заболел, но выздоровел и стал свидетелем крушения афинского уклада.

Люди видели, что все гибнут одинаково, и потому им было все равно, что чтить богов, что не чтить, а до людского суда и наказания никто не рассчитывал дожить.

Такое безразличие мало-помалу стало влиять на афинскую политику, потому что новое поколение популистов играло на страхе и гнев простых граждан. В 427 г. до н. э. в расчете на помощь от Спарты против Афин поднялся полис Митилена на острове Лесбос. Спартанцы не пришли, и город был вынужден сдаться. Собрание, заведенное речами демагога Клеона, проголосовало за то, чтобы казнить всех мужчин Митилены, а всех женщин и детей продать в рабство, и немедленно отправило туда триеру для исполнения приговора. На следующий день, одумавшись, афиняне отправили на Лесбос другой корабль с известием об отмене предыдущего приказа. Гребцы работали веслами день и ночь, прибыв как раз тогда, когда на берегу оглашали приговор. Митиленцев спас попутный ветер.

В 421 г. до н. э. первая стадия войны закончилась Никиевым миром, примерно вничью, но, похоже, Перикл унес с собой в могилу все остатки афинской мудрости. Демократия, процветавшая при нем, выродилась в нечто совершенно другое.

Охлократия в действии: поход на Сицилию

Слово «охлократия» обязано своим появлением греческому историку Полибию, жившему во II в. до н. э. Изучая пятисотлетнюю историю греческого политического эксперимента, он выявил некий цикл (*ἀνακύκλωσις*, *анакиклосис*): начиналось все с анархии (отсутствия всякой власти), за которой, последовательно сменяя друг друга, шли монархия (власть одного), аристократия (власть лучших), олигархия (власть немногих) и, наконец, демократия (власть народа). Охлократия, или власть толпы, наступала, когда разочарованное большинство начинало искать ответы на свои вопросы у популистов-демагогов.

Дальнейшие события Пелопоннесской войны разыгрывались точно по сценарию Полибия. К 415 г. до н. э. Афины со Спартой уже шесть лет жили в мире, хотя и весьма зыбком. Когда у афинян появилась возможность поддержать выступление против проспартанских правителей сицилийских Сиракуз, собрание раскололось на «партию мира» во главе с Никием и ярых сторонников продолжения войны под предводительством Алкивиада. Последний подбил проголосовать за организацию большого похода на

Сицилию. Дело было рискованное: в случае неудачи афинянам пришлось бы одним, без посторонней помощи оборонять свой полис.

И это оказалась не просто неудача, а настоящая катастрофа. Сначала у афинян было два лидера: Никий и Алкивиад. Потом Алкивиад переметнулся на сторону Спарты, что, естественно, усилило сиракузцев. Афинские армия и флот были уничтожены. Так произошел коренной перелом в ходе войны, и, хотя Афины сражались еще десять лет, они уже были существеннейшим образом ослаблены.

В самом конце войны Афины оказались в более-менее постоянной осаде. Спарта, объединившись со своим прежним недругом, Персией, сумела построить большой флот, заблокировавший город с моря. В 404 г. до н. э. обессиленные голодом Афины сдались на милость победителя.

Последствия

Спарта не стала стирать Афины с лица земли. Вместо этого были снесены городские стены и установлен суровый олигархический режим.

Тридцать тиранов, как называли группу проспартанских правителей Афин, находились у власти недолго. К 402 г. до н. э. снова установилась демократия, и афиняне начали думать, как бы ее усовершенствовать. Для противодействия беспринципным демагогам вроде Клеона они создали новый выборный орган, который должен был тщательно проверять решения собрания. Это был не поворот на сто восемьдесят градусов, а прокладка нового маршрута, необходимого для укрепления афинской демократии.

Суд над Сократом

Суд над семидесятилетним Сократом, состоявшийся в 399 г. до н. э. и закончившийся казнью, хорошо передает нездоровую атмосферу, сложившуюся в Афинах после поражения, когда люди терялись в догадках, почему все вышло именно так. Философа обвинили в том, что он не почитает богов и плохо влияет на молодежь. Афинянам, считавшим, что свободы стало слишком много, казалось, что он получил по заслугам.

Сократ был афинским «оводом»¹⁷ и все время убеждал сограждан не допускать упадка демократии в городе. На улицах города его нельзя было не заметить: он буквально одолевал прохожих вопросами. Многие считали, что он настраивал молодежь против старшего поколения, и винили философа, что этим он развращал ее.

Что же до непочтения к богам, тут на руку сыграла оборона против спартанцев. Многим из пятисот выборных членов суда наверняка казалось очевидным, что боги отвернулись от города. Не Сократ ли дерзко добавил собственных божеств к традиционному афинскому пантеону? Так или иначе, вынесенный смертный приговор свидетельствовал о состоянии общества: оно находилось в смятении и все еще во власти толпы, а это было как раз то, от чего афиняне старались уйти.

¹⁷ В «Апологии Сократа», созданной Платоном, читаем: «Если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленевшейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли» (перевод М. С. Соловьева).

Тем временем победительница Спарта задумалась, а почему бы ей не захватить более крупные Афины и не распространить свой олигархический стиль правления где только можно. Однако взвалить на свои плечи Афины означало и принять на себя их обязательства, и уже совсем скоро Спарта втянулась в очередную войну с Персией (400–387 до н. э.), встав на защиту греческих городов Малой Азии.

За свою гордыню спартанцы расплатились сполна. В 395 г. до н. э. крупные полисы Фивы, Коринф, Афины и Аргос объединились против них при поддержке персидского царя, который только рад был сыграть на несогласии в стане греков. Впрочем, в последний момент персы переметнулись на другую сторону. Они немедля навязали противнику унижительный мир, восстановив контроль над греческими городами в Малой Азии и лишив побежденных всего, что было теми приобретено в предыдущих персидских войнах. Тем не менее даже и при таком исходе войны было ясно, что Спарта слабеет. Нужен был только лидер, способный этим воспользоваться.

Фивы и окончание господства Спарты

Таким лидером оказался Эпаминонд, глава Фив – одного из старейших городов-государств Греции. Жители гордились, что их город основал Кадм, первый из мифических героев, а фиванский акрополь, Кадмею, даже назвали в его честь. Исторически этот город всегда управлялся тираном или олигархией и во время Пелопонесской войны сохранял верность Спарте. Потом фиванцы заподозрили, что их обманули. За свою поддержку они не получили давно желанную территорию и были очень обижены тем, что спартанцы пощадили их старого противника, Афины. Вот почему они присоединились к союзу против Спарты. Когда союз потерпел поражение, Спарта, нарушив условия мира, отправила в Фивы гарнизон, который должен был занять Кадмею, что было столь же вероломно, сколь незаконно.

Эпаминонд, фиванский государственный деятель и опытный военачальник, не стал терять времени. Он собрал готовую идти в бой группу из фиванцев, изгнанных в Афины (они охотно приняли тамошнюю демократию), и молодых горожан и повел их в Кадмею, чтобы изгнать оттуда спартанцев.

Война, разрушившая величие Спарты и покончившая с господством лакедемонян на суше и на море, началась с той ночи...¹⁸

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пелопид

В 378 г. до н. э. при Эпаминонде Фивы впервые приняли демократию. Их новая, реформированная армия могла теперь защищать Спарту и продвигать эту политическую систему по всей Греции. Через семь лет, в сражении при Левктрах (371 до н. э.), Эпаминонд совершил немислимое: одержал верх над спартанцами. Миф об их непобедимости рассыпался в прах.

Эпаминонд

Пожалуй, до Филиппа II Македонского никто не сделал для изменения политической карты Греции больше, чем Эпаминонд. Французский философ XVI в. Мишель Монтень считал его «третьим и наиболее... выдающимся человеком»¹⁹ из когда-либо живших²⁰. Такую высокую оценку он заслужил благодаря двум деяниям: победе над Спартой и освобождению ее илотов.

¹⁸ Перевод С. П. Маркиша.

¹⁹ Перевод Ф.-А. Коган-Бернштейн.

²⁰ Первым таким человеком Монтень в «Опытах» (кн. II, гл. XXXVI) назвал Гомера, а вторым – Александра Македонского.

Эпаминонд победил спартанцев при Левктрах в 371 г. до н. э., воспользовавшись тактикой, которую применяли их же гоплиты. Вместо того чтобы поставить лучшие силы на правый фланг, он разместил их слева, и притом в 50 шеренг вместо обычных 12. Наименее опытным бойцам правого фланга он приказал, как писал Диодор Сицилийский, «избегать сражения и при наступлении врага отступать»²¹. Сосредоточив превосходившие силы против фронта врага, который уже слабел, он сумел нанести ему сокрушительный удар с фланга.

Своим успехом Эпаминонд был обязан в том числе и элитному подразделению фиванской армии, чья система подготовки ничем не уступала спартанской агогэ. Это был «священный отряд» из 300 гоплитов, разбитых на 150 пар, в каждой из которых один человек был старше второго, и их связывало нечто большее, чем просто мужская дружба. Именно они не дали гораздо более многочисленной спартанской армии окружить фиванцев, чем обеспечили успех при Левктрах.

Эпаминонд был не только блестящим военным тактиком, он также прекрасно понимал, что армия, состоявшая из граждан Спарты, решала свои задачи лишь потому, что все остальное делали рабы. Освободив мессенцев, а потом и оказав им помощь в строительстве города-крепости, Мессены, Эпаминонд нанес удар по образу жизни спартанцев.

В 362 г. до н. э., в крупнейшем в греческой истории сражении гоплитов при Мантинее, Эпаминонд одержал свою величайшую победу и положил конец превосходству Спарты. Это был его последний бой: в нем он получил смертельное ранение и вскоре скончался.

В истории Эпаминонд остался аскетом, неподкупным героем без страха и упрека. «Переформатировать» Грецию – за счет не только разгрома Спарты, но и повсеместного распространения демократии – его, скорее всего, побуждали не столько личные амбиции, сколько чувство морального долга. Он заслуживает, чтобы о нем вспоминали чаще и отдавали должное его заслугам.

В том же 378 г. до н. э. в Фивах утвердилось демократия, и они вступили во Второй Афинский морской союз. Он, похоже, извлек уроки из участи злосчастного Первого Афинского морского (Делосского) союза, существовавшего веком ранее. Никаких обязательных платежей и приношений не существовало, самостоятельность каждого участника признавалась и уважалась. Скоро их стало уже семьдесят пять, и во многих установилась демократия.

Это образование весьма способствовало тому, что вторая четверть IV в. до н. э. стала *золотым веком древнегреческой демократии*.
Пол Картледж. Демократия: Жизнь (Democracy: A Life); курсив автора

Союз оказался недолговечным. Афинско-фиванские отношения вскоре ухудшились, а к середине века многие острова отложились от союза и отказались от всяких разновидностей демократии.

И в самих Афинах не прекращался поиск лучших способов управления. Величайшие умы полиса не отбрасывали ни один из вариантов. Ксенофонт стоял за конституционную монархию: царя, который правил бы с согласия и при поддержке аристократов, да еще и пользуясь их советами. Ритор Исократ делал ставку на воспитание, которое бы сделало всех горо-

²¹ Цит. по комментариям С. Лурье к изд.: *Ксенофонт Афинский*. Греческая история. Ленинград: ОГИЗ Соцэкгиз – Ленинградское отделение, 1935.

жан философов, способными обличать лживые речи демагогов. Платон ратовал за необычную и весьма грубую утопию, одновременно и реакционную, и опередившую свое время.

«Государство» Платона

Пожалуй, ни одна книга не вызывала столько споров между историками, как диалог Платона под названием «Государство». Для одних это воплощение здравого смысла, положенного в основу принципа организации британских закрытых школ-интернатов; для других – набор жутковатых инструментов для строительства подобия «дивного нового мира». Руссо, определивший дух французской революции, писал, что «Государство» – «прекраснейший, какой только был когда составлен, трактат о воспитании»²².

Платон верил в меритократию разумных людей, привлекавшихся из всех слоев общества и обладающих природными склонностями, которые они развили благодаря воспитанию. По его мнению, человечество естественным образом делилось на «золото» («хранителей» государства), «серебро» (тех, кто создает богатства) и «бронзу» (землепашцев и ремесленников). Талант не всегда передается по наследству, и поэтому общество должно осуществлять непрерывный отбор.

Одни платоновские идеи (например, о воспитании детей обществом и «благородной лжи» государственной пропаганды) сегодня кажутся нам совершенно неприемлемыми, а другие (о социальной мобильности и равенстве мужчин и женщин) удивительно опередили время. Самая главная его мысль остается актуальной и сегодня: воспитание имеет непреходящее значение для благополучия и стабильности общества.

Аристотель, впитавший идеи Платона, давал ученикам задание собрать сведения о известных на тот момент политических системах городов-государств. Получилась таблица – шесть способов, которыми управлялись полисы, сгруппированных по тому, кто правит и чье благо ставится во главу угла. В верхнем ряду расположены три «правильных» формы правления; в нижнем – форма, в которую может выродиться каждая из них. Аристотель усматривал причину поражения Афин в Пелопоннесской войне в крайней форме их демократии. Сам он считал демократию искаженной формой политики, которая, как он полагал, предоставляла наилучшие возможности управления в интересах большинства в течение наиболее длительного периода времени.

²² Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Педагогические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1.

«Политика» Аристотеля

Аристотель считал, что полис представлял собой идеальное сообщество для управления – ведь само слово «политика» буквально означает «дела, относящиеся к полису». Лучшими способами управления городом-государством были просвещенная монархия или аристократия, но они, как правило, вырождались в тиранию и олигархию. По этой причине он предпочел более ограниченную форму демократии, предложенную Клисфеном и Периклом. Его полития соединяла в себе прямое участие граждан (в том числе женщин) и выборы на должности, требовавшие определенного опыта и навыков (например, в военных или финансовых вопросах). Все это основывалось на четырех принципах, защищавших систему от нападок популистских демагогов.

УМЕРЕННОСТЬ – предписанная Солоном нелюбовь к крайностям, особенно к роскоши и излишествах. Точно так, как предписывал Дельфийский оракул: «Ничего сверх меры».

СИЛЬНЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС – выполняет роль «мостика» между тиранией бедноты (в которую рисковала превратиться демократия) и тиранией богатых (а это главная ловушка, куда попадает олигархия). Сам Аристотель писал: «Главное неоднократно упоминавшееся правило – следует наблюдать за тем, чтобы часть населения, которая желает сохранения существующего строя, была сильнее той, которая этого не желает»²³.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА – стойкая к изменениям политической погоды. Снова процитируем Аристотеля: «Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех». Законы должны легко приспособливаться к изменяющимся условиям, но создаются они для того, чтобы поддерживать политическое устройство государства, а его следует менять лишь изредка.

²³ Здесь и далее цит. в переводе С. А. Жебелева.

ВОСПИТАНИЕ (*пайдейя*) для достижения добродетели, доблести (*арете*) – нужно, чтобы граждане умели участвовать в управлении полисом и делали это на началах законопослушности (*эвномии*).

«Одним из условий свободы» Аристотелю представлялось участие в управлении («по очереди быть управляемым и править»), а залогом успешного участия в управлении было воспитание. Насколько демократия была хороша, зависело от нравственного состояния граждан. Человек – «по природе своей... существо политическое», а люди в целом, если они хорошо образованы и воспитаны, были столь же хороши, а то и лучше, чем любая элита, заявлявшая, что правит в их интересах.

Филипп II Македонский

Пока в Афинах бурлила интеллектуальная энергия, мир за пределами этого полиса истек кровью после войны, растянувшейся на несколько десятилетий. Бесчинствовали разбойничьи шайки, с полей не убирали урожай. Даже в самих Афинах перестали работать суды – в казне не хватало денег, чтобы платить выборным судьям.

Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде²⁴.
Ксенофонт о состоянии Греции после битвы при Мантинее (362 до н. э.), Греческая история. VII, 5, 27

Чтобы восстановить порядок, грекам нужен был сильный лидер. Филипп II (382–336 до н. э.), царь Македонии с 359 г. до н. э., уже сделал свое северное царство богатым и растущим, а армию крепкой. Во многих отношениях он был как будто «одним из них»: столицу его страны, Пеллу, основали как греческий город, говорил он на разновидности греческого языка, а свой род вел от аргосской династии Аргеадов.

В 346 г. до н. э. пожилой афинский философ Исократ обратился с посланием к Филиппу. За тридцать пять лет до того он призывал афинян возглавить всегреческий поход на Персию. Теперь, в куда более непростые времена, философ обращался к македонским воинам. Без их вмешательства все грозило закончиться анархией.

Если Ясон только с помощью слова сумел так возвеличиться, какова же будет твоя слава, если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или по крайней мере захватить как можно больше земли... основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным. И если мы не остановим роста их численности... их незаметно для нас станет так много, что они будут несколько не менее опасны для эллинов, чем для варваров²⁵.

Исократ. Филипп

А вот прочих греков очень пугали притязания Филиппа на абсолютное правление. В 340 г. до н. э. великий государственный деятель Демосфен убедил городское собрание разорвать с ним договор. По этой причине, когда в 338 г. до н. э. произошла битва при Херонее, войско Афин и других городов-государств (кроме Спарты) было разбито в пух и прах фалангами армии Филиппа.

²⁴ Перевод С. Лурье.

²⁵ Перевод В. Г. Боруховича.

Побежденных Филипп объединил в Коринфский союз и назначил себя гегемоном для осуществления военного руководства союзными войсками в задуманной им общегреческой войне против Персидской империи. Вскоре после этого его убили.

Конец демократии

Истинная демократия закончилась в Греции в 338 г. до н. э. Она просуществовала довольно долго: больше двух веков. Афины за это время пережили войну, поражение, чуму, переворот и даже разрушение персами, но лишь однажды склонились перед тиранией, да и то ненадолго. Демократия вознесла полис к вершинам богатства и влияния. До самого конца, пока тирания властно не постучала в ворота, Афины изо всех сил боролись за восстановление демократии. О сегодняшнем положении дел такого не скажешь.

Вместе с демократией ушел в небытие и определенный способ мышления. Аристотель одним из последних греческих философов ставил хорошую жизнь в зависимость от политического контекста, в котором она проходила. Новым поколением стали философы наподобие киника Диогена, который спал в бочке и желал не реформировать полис, а держаться подальше от государственных дел. Для таких, как он, главным было достижение независимости от общественных и политических вопросов, то есть внутренней свободы личности. Как мы увидим далее, через несколько веков эти принципы плавно перейдут в новую религию – христианство.

Александр Македонский

Слава Александра сияла несколько веков, а сам он стал чуть ли не мифологическим героем. Он был великолепным лидером, которого любили люди, а чуть ли не каждое его сражение до сих пор изучают в военных академиях Сандхерста и Вест-Пойнта. Он обладал острым умом, отличался любознательностью и готовностью учиться у тех, кого завоевывал. От Египта до Афганистана он основал множество городов; с его наследием связан великолепный период под названием «эллинизм».

Кем он был, дерзким первопроходцем или жестоким завоевателем? Пожалуй, и тем и другим. Проживи он дольше, со временем его репутацию наверняка погубили бы мания величия и паранойя, а может, и приступы хмельного бешенства (в таком состоянии он убил лучшего друга, Клита, который когда-то в сражении спас ему жизнь).

Он просчитался лишь в том, что не назначил наследника. Говорят, когда уже на смертном одре его спросили, кому достанется трон, он прошептал: «Достойнейшему» (не четкое указание, учитывая, что тогда вокруг него собрались одни альфа-самцы). Результатом стали более чем полвека военных действий.

А был ли греком Александр Македонский?

Две европейские страны претендуют на то, что Александр Македонский принадлежит им, поэтому такой вопрос не лишен смысла. Что же значило быть греком в то время, когда само понятие «нация» еще не изобрели? По Геродоту, все определяли язык, религия, кровь и образ жизни. Александр родился в Македонии, но говорил по-гречески, почитал греческих богов, а семья его матери, Олимпиады, происходила из греческой области Эпир.

Но можно ли было сказать о человеке, утверждавшем, будто он сын Зевса-Аммона (некоего гибрида греческого и египетского божеств), что он вел истинно греческий образ жизни? Его образ жизни, прежде всего, ставил во главу угла граждан полиса, а вовсе не их богов.

Не совсем ясно, какой уровень демократии Александр Македонский допускал в пределах своей обширной державы, раскинувшейся от Пеллы на западе до Пенджаба на востоке. Все одиннадцать лет, пока она расширялась, он, говорят, спал с созданной его наставником Аристотелем рукописью сочинений Гомера под подушкой. Кто же был для него источником вдохновения – Аристотель или Гомер? Что ему было ближе – неистовый героизм Ахиллеса или настойчивое стремление Одиссея к честной и простой жизни? Что было убедительнее – политика Аристотеля или его же просвещенная монархия, которую тот считал идеалом (пусть и вряд ли осуществимым)?

Точно мы уже никогда не узнаем, что думал Александр о демократии и какие у него были долгосрочные планы насчет своей державы. Несомненно одно: он желал не только подчинить весь мир, но и научить его быть греческим.

Это была по всем статьям незаурядная кампания, куда масштабнее тех, что совершили потом Цезарь или Наполеон. Греческие города-государства участвовали в ней без особой охоты, выставив лишь 7000 пехотинцев и 600 всадников. Они так и не простили Александру разрушения Фив, которые посмели восстать на тогда еще молодого царя. Спарта и вовсе осталась в стороне.

С тридцатипяти тысячной армией Александр пошел сначала на Трою, следуя путем, который совершил Ксеркс в 480 г. до н. э. Это был акт мести за Грецию. В 334 г. до н. э. у реки Граник в Северной Анатолии он разбил местных сатрапов, посланных, чтобы остановить его, а потом двинулся на разграбление Сард, главного города той местности. Обогатившись таким образом и усилив свою армию за счет малоазийских греков, он двинулся дальше на восток. В 333 г. до н. э. персидский царь Дарий с огромной армией из 400 000 человек поджидал его на побережье Исского залива, севернее Палестины. Персы снова были наголову разбиты, а сам Дарий едва избежал смерти от копья Александра.

Александр, победитель в сражениях

Александр Македонский был непревзойденным военным тактиком: он, как никто, мог оценить преимущества рельефа и с большим искусством

командовал на поле боя. Подобно Наполеону и Юлию Цезарю, он обладал и еще одним даром: к личной отваге у него добавились качества лидера, способного убедить других беззаветно пожертвовать жизнью.

Греческая фаланга использовалась уже несколько веков. Изобретением Александра стала ударная кавалерия, которую он разворачивал вместе с фалангой, чтобы сокрушить огромные пехотные формирования Дария. Этим элитным всадников называли товарищами (гетайрами); в бою они выстраивались клином, с Александром впереди. Просто удивительно, что он дожил до тридцати двух лет.

В бою «товарищи» действовали, как своего рода молот, пробивая брешь для натиска пехоты. Фаланга давила на противника, а гетайры помогали ей на флангах или сзади. Именно такая тактика чуть не погубила Дария в сражении при Иссе.

В Тире в 332 г. до н. э. Александр, чтобы достигнуть цели, повел себя как настоящий тиран, вырезав всех жителей города после изнурительной семимесячной осады. Потом он двинулся на юг, в Египет, и там отправился в глубь пустыни, где жрецы города Сивас провозгласили его сыном Зевса-Аммона. Возвысившись до божества, он вернулся, основал Александрию и заложил основу для наступления периода эллинизма.

В следующем году он снова столкнулся с численно превосходившим его противником в битве при Гавгамелах, на территории современного Ирака. Отрадив атаку грозных колесниц, на которых сражались персидские лучники, он сначала завоевал Вавилон, а затем – Сузы. В этом городе Александр повелел греческим воинам жениться на персиянках, а после этого до основания разрушил персидскую столицу – Персеполь.

Браки в Сузах

Массовые свадьбы знатных мужчин из армии Александра Македонского и персиянок благородного происхождения, похожие на те, которые практиковали члены религиозного движения «Церковь объединения», обозначили собой культурный союз давних противников. Сам Александр женился на старшей дочери Дария, Статире, а это значило, что теперь он мог называть себя Царем царей и во главе греко-персидской армии идти завоевывать мир. Полководец Гефестион, один из ближайших друзей Александра, женился на сестре Статире и таким образом породнился с ним.

Расчет Александра, видимо, был на то, что потомки этой элиты станут новым правящим классом, в котором соединятся лучшие черты греческого и персидского характеров. Этого не произошло. Сразу же после смерти почти все подобные браки стали распадаться столь же массово, как когда-то заключались.

Достигнув, наконец, Пенджаба после тяжелейшей десятилетней кампании, войско Александра Македонского отказалось двигаться дальше. Подобно Ахиллесу, он удалился в свой шатер, чтобы как следует все обдумать. После этого его непобедимая армия развернулась и отправилась домой.

Александр вернулся в Вавилон и там, после целой ночи особенно бурных возлияний, скончался в 323 г. до н. э. в возрасте тридцати двух лет. Говорили, что мать Дария, Сисигамбис, узнав об этом, удалилась в покои и заморила себя голодом до смерти.

Македонцев, военачальников в армии Александра, не интересовало ничего, кроме богатой добычи. Подобно конкистадорам, они не только расставались с женами-персиянками, но

и удалили из своей среды всех персов, а потом искромсали огромную империю, оставленную Александром без наследника, на владения, преобразовывая их под себя. Тем временем взбунтовались греки.

У диадохов, переживших Александра Македонского, ресурсов было достаточно, чтобы подавить любое сопротивление, а потом еще и передрались между собой. Из Персидской империи они вывезли примерно 180 000 талантов (по современному курсу где-то сто миллиардов долларов), и к тому времени это была самая крупная военная добыча.

Все это богатство легло в основу славы эллинистического периода.

Эллинистический период (323–30 до н. э.)

*Мы – от александрийцев до антиохийцев,
от египетских греков до греков сирийских,
селевкийцы, мидийские греки
и персидские и остальные.*

*Мир обширных владений с его исключительным
чувством
сообразности – гибкий при всех обстоятельствах.
И Единое Наше Наречье
дonesли мы до Бактра, до Индии дonesли²⁶.*

**Константинос Кавафис (1863–1933). «В 200 году до Р. Х.», 1916 (?),
1931 г.**

В 1961 г. Мухаммед Захир-Шах, последний король Афганистана, охотясь в высокогорьях Гиндукуша, вдруг заметил, что из земли торчат какие-то камни, явно обработанные.

Так Захир-Шах обнаружил город Ай-Ханум, восточный форпост греческой цивилизации, в «200 году до Р. Х.» на западе достигшей Кадиса. В городе находился театр на 6000 зрителей, стадион, храмы и агора. Ай-Ханум стоял у границ двух столь же великих цивилизаций: древнеиндийским, буддийским государством династии Маурья и китайской, конфуцианской Хань. Греческие монеты с изображениями индуистских божеств и Будды в греческих одеяниях свидетельствуют о взаимообогащении культур в «небывало великом новом эллинском мире», по выражению греческого поэта Константиноса Кавафиса.

Три культуры по-разному понимали, в чем состоит человеческое счастье. Для буддистов это было внутреннее спокойствие, происходившее от отсутствия страстей. Для последователей Конфуция это было подчинение высшей власти. Для греков счастье заключалось в соучастии – применении врожденных человеческих даров общения и выражения своих мыслей при помощи языка, – а, как учил Аристотель, идеальным полем для этого был полис. Ай-Ханум и множество других городов, основанных во время кампании Александра Македонского, были своеобразными «лимфатическими узлами» нового, эллинистического мирового порядка.

На надгробии предполагаемого основателя Ай-Ханума, Кинея, были вырезаны Дельфийские максимы, сообразно которым с незапамятных времен привыкли жить греки. Самая известная из них гласит: «Познай самого себя». Что это значит, спорят уже довольно давно. Самое исчерпывающее объяснение приписывают американской писательнице Майе Анджелу (это фамилия ее мужа, греческого моряка; так-то она была Джонсон): «Если не знаешь, откуда пришел, то не знаешь, и куда идешь».

Греки империи Александра в начале эллинистического периода хорошо знали, откуда пришли: из полиса. На очередном этапе греческой истории уже новый вид полиса процветал по всей Греции; конечно, он приспособливался к разным условиям, то есть был «гибким при всех обстоятельствах», по выражению Кавафиса, но вполне жизнеспособным.

²⁶ Здесь и далее цит. в переводе Е. Солоновича.

Обитаемый мир

Эллинистический период длился три столетия, от смерти Александра до разгрома римлянами птолемеевского Египта и самоубийства его царицы, Клеопатры, в 30 г. до н. э. Для многих тогда хорошо было быть греками. В обиход вошло новое понятие: «ойкумена». Оно означало «обитаемый мир», его греки, измерив, нанесли на карты и управляя большей частью, можно сказать, присвоили себе.

Если какой-нибудь грек, живший в III в. до н. э., приезжал в афганский Кандагар (названный по-гречески *Ἀλεξάνδρεια Ἀραχωσίας* в честь Александра), он мог увидеть там высеченные на камне постановления великого индийского царя Ашоки из династии Маурья. Сто лет спустя его потомок, проникший еще дальше на восток – скажем, в пенджабский город Сагалу, – оказался бы в столице царства Менандра I (пр. 165–130), принявшего буддизм индо-греческого владыки. Официальным языком при Менандре был греческий, а на монетах чеканили изображение богини Афины.

В Гандаре, на территории современного Пакистана, сохранились статуи II в. до н. э., изображающие Будду под защитой Геракла. В Гуджарате, на западном побережье Индии, есть город под названием Джунагадх; сначала его называли Ионагадх, или «город греков» (ионийцев). Историческая хроника Шри-Ланки, расположенной южнее, «Махавамса», упоминает о греческих миссионерах, помогавших распространять учение Будды.

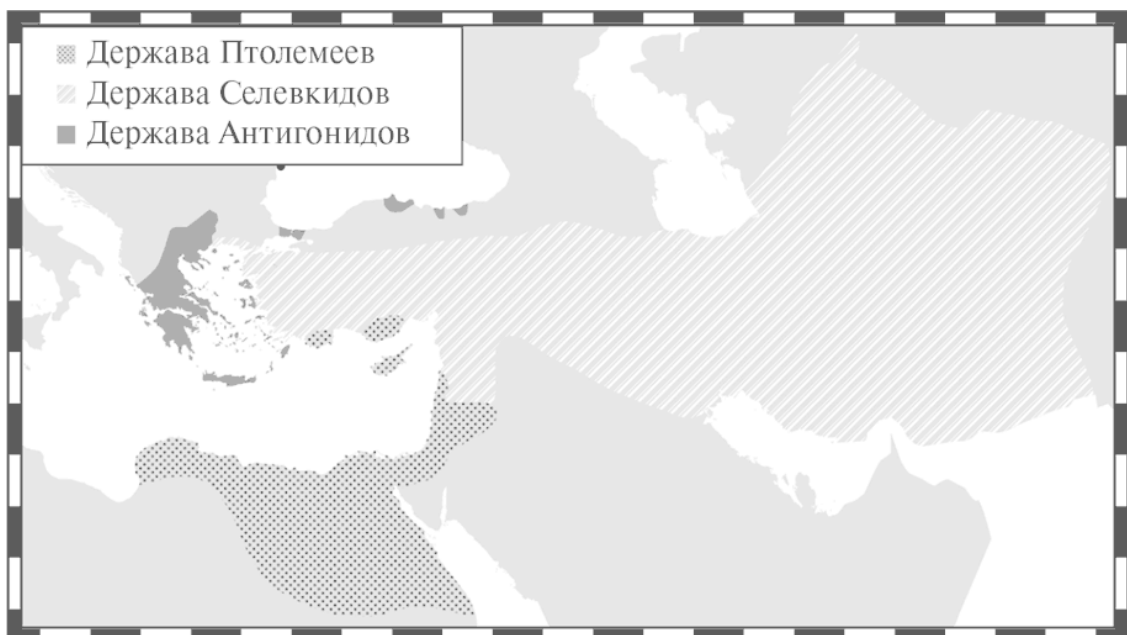
Будда в греческой накидке и с традиционной прической. Гандра, Пакистан, ок. I–I в.
© *Wikimedia Commons: World Imaging*

Греческая мысль расправила крылья и благодаря Александру Македонскому достигла границ известного тогда мира. Греческие философы могли обмениваться мыслями с буддистскими йогами и персидскими волхвами. Плодами этого обмена потом воспользовались монголы, правители Аббасидского халифата, образованные государи эпохи Возрождения, да и все мы.

Пятьдесят лет войны

Однако началось все с войны, которая продлилась пятьдесят лет. После кончины Александра Македонского диадохи, основные наследники-соперники, собрались в Вавилоне, чтобы спокойно все обговорить. У них ничего не вышло. По прошествии времени в результате неслыханно жестокой борьбы в ходе так называемых войн диадохов, только двоим выпало счастье умереть в своих постелях. Огромные армии с боевыми слонами носились туда-сюда по всей Азии, пока не осталось всего три династии: Птолемеи, правившие Египтом и Южной Сирией, Селевкиды, чьи владения простирались на восток до самой Индии, и Антигониды, которым принадлежала Македония и почти вся материковая Греция. За два поколения все они породнились между собой и попали в порочный круг секса, убийств и политики силы. В конце концов все же установилось нечто вроде статуса-кво.

Александр основал не менее десятка городов. Правителям, пришедшим после него, в том числе и Селевкидам, предстояло основать намного больше. Чистокровным грекам, земля которых так и не смогла полностью оправиться от последствий Пелопоннесских войн, такой возможности никак нельзя было упускать. В этот новый для себя мир они перебирались десятками тысяч. В отличие от европейцев, колонизировавших Америку два тысячелетия спустя, греки соблюдали стародавнюю традицию. В поселения, которые они основывали на протяжении нескольких веков, – от Кадиса до Ольвии, расположенной на правом берегу Днепро-Бугского лимана, – они приносили свою культуру и свои законы. Они знали что делают.

Как же поселенцы, носители республиканской традиции полиса, осваивались в этом новом для них мире абсолютных монархий? По-видимому, с изрядной долей прагматизма. Цари периода эллинизма вовсе не были демократами – подобно Александру, они мнили себя чуть ли не полубожествами, – и им недоставало умения основывать колонии и управлять ими, в чем как раз преуспели греки. Уже вскоре на государственной службе появилась элита греческого происхождения: одаренные люди, которые легко переезжали в другое государство или уходили служить другому двору, если им что-то не нравилось.

Простые граждане греческих полисов, стоявшие ниже на социальной лестнице, были вполне довольны новыми царями-богами до тех пор, пока те им не мешали. И старым, и новым полисам было разрешено иметь собрания, агоры, театры и стадионы с одним условием: демократия не должна была выходить за городские стены.

Гипподам из Милета (V в. до н. э.)

План многих новых городов представлял собой систему, изобретенную за двести лет до этого Гипподамом из Милета. Как и Аристотель, он интересовался не только политической теорией, но и много еще чем: математикой, метеорологией и медициной. Его гений проявился в проектировании таких городов, где могли бы процветать принципы демократии. В эпоху эллинизма по этим принципам были построены великие Александрия, Галикарнас и Антиохия, а его идеи оказались столь плодотворны, что использовались и потом, в римский период.

Такой «гипподамов город» был рассчитан самое большее на 50 000 человек (Аристотель для политики максимумом считал 10 000), а территория его делилась на три части: священную, общественную и частную с идентичными кварталами. Священная и общественная территории располагались в пределах большой центральной городской агоры, к которой по широким и прямым улицам легко было попасть из частных кварталов, застроенных двухэтажными домами.

Гипподамова система планировки хорошо сохранилась до наших дней в двух городах материковой Греции: пелопоннесской Мессене, основанной Эпаминондом в 369 г. до н. э., и Кассопе, расположенном в Эпире.

Демократия в этих новых эллинистических полисах была совсем не такова, как в их предшественниках классических времен. На государственную службу люди назначались в результате выборов, а не по жребию, а некоторые должности, вроде высших военных, и вовсе не выносились на голосование. Да и какой в этом был бы смысл, если внешней политикой ведали цари, а в сражениях (как правило, в отдаленных землях) участвовали наемники, а не воины – граждане полиса? Не просто так именно в то время возродился интерес к культу Тихе, богини удачи. Кто знает, что ждет во внешнем мире, за городскими стенами; все это явно находилось вне зоны контроля обычного человека.

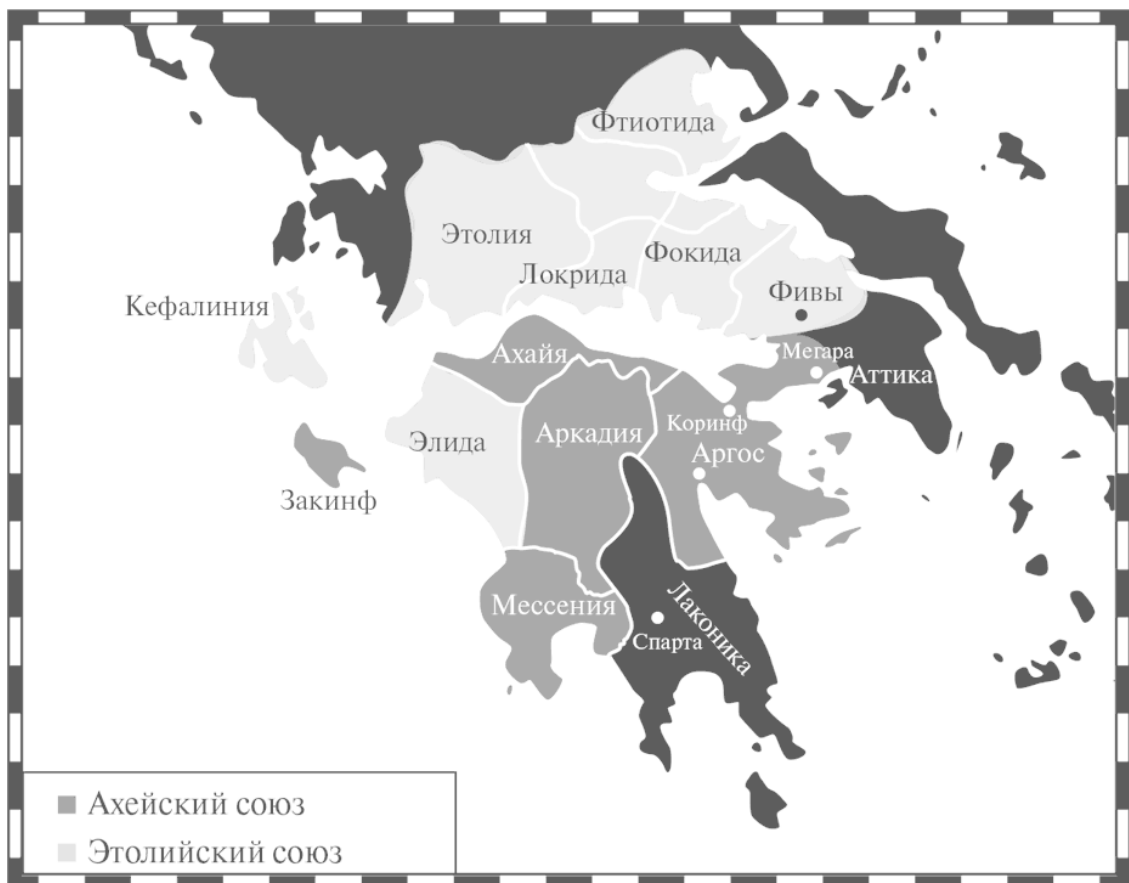
И все-таки, особенно в Греции и Анатолии, полисы старались сохранить кое-какие свои прежние свободы: функционировали народные собрания, принимались собственные законы. В некоторых полисах даже чеканили свою монету. А граждане пока еще могли награждать лучших своих представителей за то, что они сделали для полиса.

Буле и граждане решили, что Сотас, сын Ликоса, достоин похвалы за свою храбрость... и на следующих Дионисиях будет увенчан пальмовым венком во время состязания трагиков, которое состоится в городском театре.
Приена, Западная Анатолия, начало III в. до н. э.

Как правило, чем дальше на восток вы бы двигались, тем меньше демократии находили. Около 250 г. до н. э. на территории современного Ирана окончательно утвердилось Парфянское царство, вбив клин между греками Гиндукуша и греками Средиземноморья и еще сильнее разорвав ткань эллинской идентичности.

Ко II в. до н. э. все великие центры греческой цивилизации – Александрия, Антиохия, Пергам и Афины – располагались на берегах Средиземного моря. Сообщение между ними было очень удобным и, где бы ни оказался грек, он обнаруживал более-менее понятный язык, законы, планировку города и храмы, посвященные хорошо знакомым богам. Существовало даже нечто вроде международной валюты.

В материковой Греции, находившейся под властью династии Антигонидов, которые правили ею из Македонии, полисы попробовали было восстановить некоторый контроль над своими зарубежными делами, формируя федеративные союзы для сопротивления правлению аристократов. Самыми удачными из них оказались Ахейский и Этолийский.

Ахейский союз, объединение полисов Северного Пелопоннеса, стал главным соперником Македонии Антигонидов. Его контролировала элита, состоящая из состоятельных землевладельцев, однако, согласно греческому историку и государственному деятелю Полибию (речь о котором еще впереди), именно это обеспечило мир, а, возможно, и впервые создало ощущение греческой государственности.

Дело в том, что в прежние времена многие безуспешно пытались объединить пелопоннесцев во имя общего дела, но тогда каждый из пелопоннесских народов озабочен был мыслью не об общей свободе, а о собственном преобладании. В наше время обратное стремление сделало такие успехи и осуществилось в такой мере, что среди пелопоннесцев не только водворились общие союзнические и дружественные отношения, но они пользуются одними и теми же законами, общим весом, мерами и монетою, кроме того, имеют общих должностных лиц, членов совета и судей. Вообще, если весь почти Пелопоннес не составляет одного города, то потому только, что жители его не имеют общих стен; во всем остальном существует единообразие и сходство между ними в отдельных городах и в целом союзе²⁷.

Полибий. Всеобщая история. Кн. II, гл. 37

Афины предпочли ни к кому не присоединяться. Город в те времена стал заметным центром философии и серьезного образования, компенсировав роскошью и богатством потерянную в 321 г. до н. э. автономию. Собрание пока еще работало, но в нем заседали только богатые, охотно голосовавшие за установку памятников своим владыкам – Антигонидам. Демократия в какой-то мере все-таки сохранялась. Новые деды, вдобавок к 139 уже существовавшим в городе, создавались вплоть до 126 г. до н. э.

Спарта тоже сторонилась союзов. К середине III в. до н. э. она лишилась Мессении и отказалась от агогэ (системы военной подготовки). Ее население сократилось до 700 семейств, из которых лишь около сотни владели землей. Два царя, Агис IV и Клеомен III, пытались остановить распад. Они перераспределили землю, восстановили агогэ и законы Ликурга, даже разрешили неполноправным периэкам (лично свободным, но не гражданам) стать полноценными спартиатами.

Реформы сделали свое дело, и уже вскоре Спарта стала гораздо активнее. Одержав несколько побед над соседями, она пошла войной на Ахейский союз, лидеры которого в панике обратились за помощью к македонцам. В битве при Селласии, состоявшейся в 222 г. до н. э. македонский правитель Антигон III Досон и ахейцы уничтожили спартанскую армию. Это была победа, но за нее пришлось заплатить возвращением Антигонидов на Пелопоннес и отказом от любых попыток установить демократию.

Со временем потомки македонцев-завоевателей стали истинными греками. Они продолжали участвовать в битвах, но подобно государям эпохи Возрождения вышли и на культурную арену. Их города в Египте и Малой Азии стали центрами эллинизма. С самого начала правители из династии Птолемеев не жалели ничего, чтобы сделать из египетской Александрии культурный и интеллектуальный центр, не уступавший Афинам, и, по легенде, не остановились даже перед тем, чтобы организовать похищение тела Александра Македонского. Они создали богатейшую, невиданную еще в мире библиотеку, при которой работали музей и научный зоосад. На западном побережье Анатолии позднее расцвел еще один центр эллинизма, Пергам, с библиотекой, второй по значению после Александрийской.

Александрийские библиотекари усердно собирали и систематизировали не только пьесы Эсхила, Софокла, Еврипида, но и различные версии гомеровского эпоса. Благодаря трудам таких людей, как Зенодот из Эфеса, Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский, до нас дошли те варианты Илиады и Одиссеи, которые мы читаем сегодня.

²⁷ Перевод Ф. Г. Мищенко.

Великие города, великие умы

Эллинистические полисы вполне можно сопоставить с Кремниевой долиной в современной Калифорнии. Это были частично самоуправляемые инкубаторы талантов, где им была обеспечена достойная жизнь, хорошие деньги и компания таких же, как они сами, великих умов.

Архимед из Сиракуз, Эратосфен Киренский, Аристарх Самофракийский, Кратет Пергамский... Список можно продолжать и продолжать. Эти ученые мужи поразительно точно измерили небо и землю. Эратосфен вычислил окружность нашей планеты и ошибся лишь на 100 миль в меньшую сторону (правильное значение – 24 901). Аристарх показал, что Земля и прочие планеты обращаются вокруг Солнца, и разместил их в правильном порядке за восемнадцать веков до того, как то же самое сделал Николай Коперник, совершивший первые шаги к созданию модели Вселенной в другом самоуправляемом городе – ганзейском Кракове.

Среди этих великих были не только мужчины. Гипатия, роль которой сыграла Рэйчел Вайс в фильме Алехандро Аменабара «Агора», жила в постэллинистической Александрии в IV в. Она была блестящей мыслительницей, астрономом и математиком, и ее убила толпа разъяренных христиан, обвинив Гипатию в том, что она выступила на стороне префекта Александрии, Ореста, против властного архиепископа Кирилла.

Астролябия, паровой двигатель, одометр, цепная передача, карданный подвес, водяной насос, центральное отопление... Все это изобретения того времени. В 1900 г. ловцы губок обнаружили близ крошечного острова Антикитера обломки римского судна с драгоценным грузом, предназначавшимся для украшения римских улиц, по которым триумфатором должен был проехать Юлий Цезарь. Среди прочего был найден так называемый антикитерский механизм – как полагают, самый ранний образец аналогового компьютера. Он был изготовлен во II в. до н. э. не менее чем из 30 шестерен и, судя по всему, рассчитывал положение Солнца и Луны (включая ее фазы), определял затмения и даты важнейших астрономических событий. В Европе нечто подобное по сложности появилось лишь через четырнадцать веков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.